

СМЕНА

22 1961

Все ясно. Перелом кости. Вот он отчетливо виден... Молодые хирурги, выпускники 2го Московского медицинского института комсомольцы Игорь Климинский и Давид Гельфанд сделают все, чтобы больной снова мог ходить. Всего полгода назад приехали они на Крайний Север после окончания вуза, но уже заслужили уважение в коллективе Норильской больницы как хорошие специалисты.

Лучший слесарь-борщик Ленинградского завода имени Карла Маркса комсомолец Николай Ильмаст — один из тех, кому все мы обязаны появлением в продаже замечательных изделий из напрана. Хотя Николаю не приходится следить за работой машины, вырабатывающей напрановое волокно, она ему не чужая. Для нее собирает он этот измеритель подачи воздуха.

ЮНОСТЬ

Все нравится Федору Панченко, Валентину Есееву, Николаю Котельникову, Богдану Павливу, Василию Ершову... — Днепровская цифра, ясное небо над головой, любимая работа. Этух крепких ребят, молодых строителей из комсомольской бригады коммунистического труда, хорошо знают и любят на строительстве Киевской комсомольской ГЭС, где уже вырыты котлован, наметы заградительные перемычки и сейчас ведется укладка бетона в основные гидротехнические сооружения. Любит за отличную работу, за товарищескую спайку, за неустыжнюю жизнедеятельность.

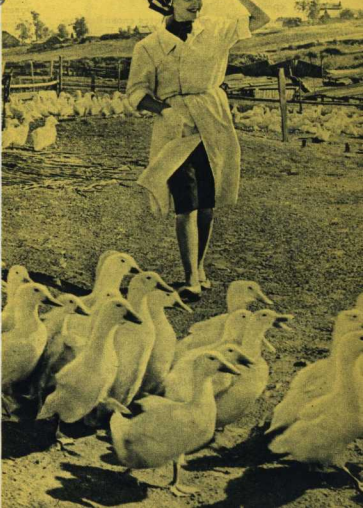
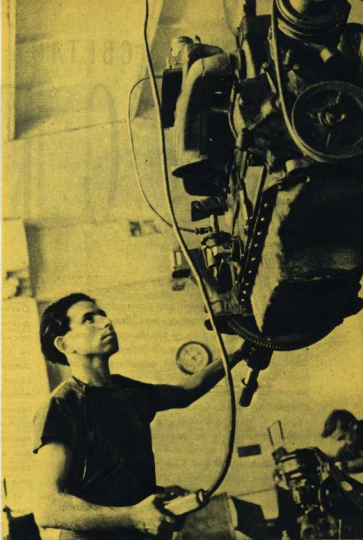
Мотор, который так придирчиво осматривает слесарь-обмотчик Леонид Зуховичкин, никогда не подведет водителя автовашины. Много таких моторов, выпускаемых самым молодым предприятием Таджикистана — столичным авторемонтным заводом, — проходит через руки Леонида. И всегда это продукция отличного качества ведь за плечами у Зуховичкина не только большой опыт, но и глубокое знание: он окончил политехникум.

Радиоизменные перспективы, дверь в прекрасное будущее раскрыла перед советской молодежью новая Программа КПСС — великая программа построения коммунизма. Партия позвала наших юношей и девушек развекать экономику, увеличивать производство материальных и духовных благ, воспитывать в каждом черту человека нового общества. Этот призыв нашел широкий отклик среди молодежи. Горячо, с невиданной энергией взялись за дело молодые строители коммунизма во всех уголках страны. Их голоса звучат на стройках новых заводов, фабрик, электростанций, на просторах целинных полей, в тайге и в горах — всюду, где нужны крепкие руки и неистощимая комсомольская инициатива.

«Воля и труд человека дивные дивы творят», — писал Некрасов. В те времена человек шел на труд с киркой и лопатой, пилой и топором. Наша молодежь вооружена глубокими знаниями, самой современной техникой. Юношам и девушкам нашей страны дана великая цель: преобразовать жизнь, превратить в действительность ленинские мечты, воплотившиеся в конкретные решения XXII съезда КПСС. Эта цель будет достигнута, ибо всегда, как сказал с трибуны съезда Никита Сергеевич Хрущев, «на всех этапах социалистического строительства советская молодежь, комсомолы показывали ясное понимание задач, поставленных партией. Трудом своим они подтверждают, что являются достойными наследниками великих революционных традиций, продолжателями славных дел своих отцов и матерей».

Девушки собирают радиоприемник. Конечно, они монтажники, определит каждый, взглянув на симмон. Между тем это не совсем точно. Сегодня девушки действительно заняты монтажом радиоприборов, а завтра... Комсомолки Агла Мустабаева и Светлана Халимова с Ленинского радиозавода не только хорошие производственницы. Они еще и студентки-заочницы.

Любая птичница знает: не так просто вырастить тысячу хороших уток. А вот девятнадцатилетняя Ина Хамралиева из птицеводского «Скворца», Гатчинского района, Ленинградской области, вырастила их шестьдесят тысяч. Вот какие замечательные результаты можно добиться, когда по-настоящему любишь свое дело.

ИДЕТ ВПЕРЕД

П А С П О Р Т П О

Для меня, как и для всякого советского поэта и гражданина, каждый съезд нашей партии — как бы день рождения новой эпохи. От съезда до съезда растёт и мужает наша страна, направляются её плечи, все мощнее становится движение вперед. И вот XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза закончил свою работу. Программа строительства коммунизма принята. И не только принята — после съезда прошли считанные дни, а отовсюду, из близких и дальних мест, приходит вестись: Программа воплощается в жизнь. Она стала законом нашей жизни.

Сейчас, когда вы читаете эту статью, новая Программа нашей партии уже вступила в действие. Уже идет металл, уже ток новых электростанций несется по проводам, уже с конвейеров сходят станки, о которых мы вчера только читали в Программе, и Космос уже приоткрылся к приему новых советских космонавтов — Программа партии воплощается в жизнь! Партия поставила задачу — за два десятилетия заложить основу коммунистического общества. Советские люди полны решимости выполнить поставленную задачу в более короткие сроки.

И мне невольно вспоминаются слова Вл. Маяковского:

А моя страна — подросток...

Они прозвучали в дни десятой годовщины

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Год издания тридцать восьмой.

СМЕНА

Литературно-художественный общественно-политический журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

22 НОЯБРЬ 1961

Октября. Прошло лишь немногим более тридцати лет. Срок для истории ничтожный. Но посмотрите, как возмужала за это время Страна Советов. Говорят, зрелость приходит к человеку после того, как он построит дом, посадит дерево, убьет змею. И эта зрелость пришла к моему народу. Он возвел тысячи городов, построил сотни гигантских электростанций и заводов, вызвал к жизни миллионы гектаров земли, не знавшей ранее плуга, посадил в пустынях сады. Он раздвинул страшную змею — фашизм. Да, он возмужал, мой народ — строитель, садовод, воин.

И мне, поэту, видится в новой Программе символический паспорт, врученный XXII съездом партии тому самому подростку, о котором писал Маяковский в поэме «Хорошо».

На первой странице этого паспорта слова: Мир, Труд, Свобода, Равенство, Братство и Счастье всех народов.

И мы читаем далее о грандиозных предначертаниях: о новых электростанциях, которые дадут нам миллиарды киловатт-часов электроэнергии, об автоматических заводах, где, словно в сказке, будут происходить удивительные превращения, а человек будет лишь контролировать действия умных машин. О сотнях миллионов тонн стали, о чудесных материалах, которым суждено заменить металл, дерево, бетон... Перед нами встают картины новой, преобразованной деревни: уютные городские дома, поля, на которые так же, как и в заводские цеха, пришла автоматика...

Этот паспорт выдан нынешнему поколению советских людей!

Грандиозна Программа построения коммунизма. Каждая строка этой Программы выверена и обоснована марксистско-ленинской наукой. Мне вспоминаются слова Маркса о том, что буржуазная наука пыталась лишь объяснить мир, в то время когда его надо изменять.

И вот слова Маркса воплотились в великом документе нашей эпохи, который уже сегодня стал руководством к действию для нынешнего поколения советских людей, тех, кому строить коммунизм и жить при коммунизме. Каким же оно должно быть, это поколение? Мне хочется поделиться с вами, молодыми, своими мыслями и соображениями по этому поводу.

Я читаю моральный кодекс строителя коммунизма, этот замечательный свод важнейших нравственных принципов. Для того, чтобы скорее воплотились в жизнь грандиозные задачи, намеченные и утвержденные партией, они — эти высокие нравственные принципы —

должны стать нормой поведения каждого советского человека.

Помните, лет тридцать пять тому назад мы как-то ехали с Владимиром Владимировичем Маяковским. Наша страна тогда была еще нищей, и никакой автомобильной промышленности у нас не существовало. Мы ехали на старом американском «фордике», но молодецкий шофер испытывал, наверное, те же чувства, что и первый космонавт.

С тех пор прошло много лет. По улицам, тем самым московским улицам, где тащился когда-то одинокий «фордик», несется теперь потоки машин, сделанных на наших заводах. А в Космосе на наших звездных кораблях побывали наши космонавты. Но я вспоминаю ту самую поездку с Маяковским не только поэтому. В памяти наш разговор с Владимиром Владимировичем.

Маяковский сам не управлял машиной. «Помните, Светлов», — говорил он, — в движении всегда задумываюсь. А шоферу это противопоказано. Настоящая профессия, любая настоящая профессия должна из осознания быть превращаться в инстинкт.

Что же тогда хотел сказать Маяковский? Человек, какой бы работой он ни занимался, обязательно должен быть профессионалом. Мало того, даже чувства человека должны быть профессиональными.

К примеру, начинающий шофер ведет себя чересчур «сознательно». Вот я сейчас поверну направо, рассуждает новичок, а потом не дай бог не заметит запрещающий или разрешающий знак. На всякий случай я буду все время торизовать, чтобы не было аварии.

Опытные шоферы об этом совсем не думают. Они могут разговаривать с вами, делиться воспоминаниями, и никакой аварии не будет. Осознание профессии стало привычным, само собой разумеющимся.

Я думаю о том, что примерно так же в нашу жизнь входят благородные начала. Они — не счастье тому примером — становятся для нас привычкой. Я замечаю это у миллионов советских людей. Выполнение гражданского долга, правил доброты становится как бы внутренней потребностью. И не случайно в Программе партии, принятой XXII съездом КПСС, говорится, что при переходе к коммунизму все более возрастает роль нравственных начал в жизни общества, расширяется сфера действия морального фактора и соответственно уменьшается значение административного регулирования между людьми.

Вспомним, что у нас есть миллионеры и дружинники-комсомольцы, прокуроры и обще-

КОЛЕННЯ

ственные комиссии, следящие за соблюдением законности. А в будущем и милиция и прокуратура целиком уступят свое место общественности, то есть нам с вами.

Но для этого необходимо, чтобы осознание гражданских обязанностей у всех людей превратилось в привычку.

Человек, для которого коммунистическая мораль стала естественной нормой поведения, увидев несправедливость, не станет рассуждать, он, не раздумывая, придет на помощь.

И разве не та же черта — благородство, самоотверженность, патриотизм — все то, что записано в моральном кодексе строителя коммунизма, — повели молодежь на освоение целины, заставили Валентину Гаганову и ее многочисленных последователей перейти в отставке бригады, поступить своим личным во имя общего долга!

Но мы знаем, что у нас есть еще люди, которые очень своеобразно понимают свой гражданский долг.

Передо мной письмо. Автор его сообщает: двое подростков затеяли на бульваре драку. Но его интересова, оказывается, не хулигань, а прохажив. Они, видите ли, равнодушно шли мимо. Тогда свидетель «возмутительного случая» возмутился и отправился на почту. Там он, создавая свой гражданский долг, начертал: «Я считаю, что граждане не должны проходить мимо фактов уличного хулиганства. Проходившие должны сообщать о подобных фактах в милицию.

Но это, с позволения сказать, «блестящий порядок» почему-то не подумал о своем активном вмешательстве. Он обвиняет в этом других людей.

А вот вам совершенно противоположный случай. Речь пойдет о человеке, выполняющем свой долг.

Он совершенно не думал о том, что совершает подвиг. Он шел по полю. Шел, как будто на прогулке. Но каждый его шаг мог оказаться последним. Он прижимал к себе смертоносный груз — изъеденный ржавчиной, невзорвавшийся артиллерийский снаряд. Он стороной обходил людей. «Если снаряд взорвется, погибну я один и никто больше!» Звали этого человека Петр Межвинкин. По профессии он строитель. Он пронес снаряд три с половиной километра и взорвал его в поле. Какой же по сравнению с Петром Межвинкиным чужац-человек тот хлюпик, кто написал письмо в редакцию!

Эти примеры могут показаться не очень значительными, так сказать, частными. Да, благородство, гуманность, справедливость могут и

должны проявляться не только в таких крайних случаях. Наше общество предоставляет огромные возможности каждому для воспитания в себе этих качеств. Наше советское общество — самая благодатная почва для гармонического развития личности.

Но я задумываюсь над тем, что же будет через двадцать лет, в пору наступившего коммунизма? Нормы морального кодекса станут неотъемлемыми качествами каждого советского человека. Мы избавимся от всех экономических затруднений, и нам куда легче станет в общении друг с другом. Мы не будем задумываться о том, как поступать в том или другом случае.

Сейчас мы с вами боремся за нового человека. Жаль, что мне уже много лет. Но для создания коммунистического общества я, как и всякий советский человек, должен напряженно трудиться. И трудиться не только потому, что я осознанно необходимость своего труда, но и потому, что вера в коммунизм стала смыслом моей жизни.

Лва Николаевич Толстой считал, что общество может стать лучше, если каждый человек займется самоусовершенствованием. Это, конечно, была заманчивая, но неральная мечта. Ведь должен совершенствоваться не только отдельный человек, а все общество. Без Великого Октября никак не «самоусовершенствования» не сделали бы нашего человека таким, каким мы его видим в Братске, Антарктиде, на целине и в Космосе.

Комсомольцы, едущие на целину или на наши новые стройки, — это не отдельные индивидуумы, желающие «совершенствоваться», это питомцы советской системы воспитания, системы, которой еще не знало человечество. А это — главное. Ведь чем выше сознательность членов общества, тем полнее и шире развертываются их творческая активность в создании и материально-технической базы коммунизма и новых отношений между людьми. Тем быстрее и успешнее решаются задачи строительства коммунизма.

Вся наша страна с глубоким вниманием занята изучением материалов исторического съезда партии, давшего огромную пищу для ума, поставившего грандиозные практические задачи перед каждым гражданином Советского Союза.

Никто из нас не сомневается в победе коммунизма. Никто из нас не сомневается в том, что наша партия воспитает нового, прекрасного человека, потому что уже в нашем молодом современном мы узнаем черты человека коммунистического общества.

Николай СОКОЛОВ

ПАРТИЙНОСТЬ

Не раз с работы или собрания я шел с гудящей головой.

Партийность —

не билет,

не звание,

а ежедневный труд и бой.

Я слышал скептиков Брюжжажани — и злость играла в жевачках...

Партийность

имеет с каторжанами

музыка в парских рунниках.

Нагайка с ней вступали в прения. Ей нули затылкам гты...

Партийность —

верность убеждениям

и слава мышей правоты.

Чернорабочие Истории

кочакали диспут, зубы сжав.

Они жаждармов переспорили

и все четырнадцать держав.

Своею кровью резолюции

вписали в протокол земли

и в космос

знамя Революции

из Петрограда привезали.

Моя душа —

мое наследственность —

мне быстрай не сумат успех.

Партийность —

личная ответственность

за успех каждого,

за всех.

И не особенно речистый-то,

всегда готов на всякий спор...

С хулиганьями и жардиростями

гораздо проще разговор.

Известно было мне заранее:

не раз с работы или с собрания

уйду с гудящей головой...

Партийность —

не билет,

не звание,

а ежедневный труд и бой.

Игорь СОЛОВЬЕВ

ТРЕТИЙ РЕЛЬС

Наскогда паровозам

Наступает конец.

В эту бьаль — а не лоузит —

Верит каждый юнец.

За победу над паром,

За далекие рейсы,

Над Смоленскими шпалами,

Над звенищирскими рельсами,

Третий рельс,

Электрическим проводом взвейся

Мы шпырем по-старому

Горы угля в трубу...

Электричество с паром

Лишь вступает в борьбу,

Но, держа и строясь

В наступлении своем,

Первый атомопезд!

Мы «Ва» влозим!

Да, нельзямо верю я

В эту вечную серию,

В твой порыв, Человек...

В

Савлаю Ваше электричество!

Савлаый век электричества!

Савлаю атомный век!

РЕПОРТАЖ ИЗ N-СКОГО РАЙОНА

АВИАЦИОННОГО БАЗИРОВАНИЯ

Сначала мы увидели, как пламень чертя по небу огненные прамяе. Потом прямо над нами пронёсся воздушный исполин — длинный фюзеляж, словно винтовочный патрон, да маленький треугольник — крылья.

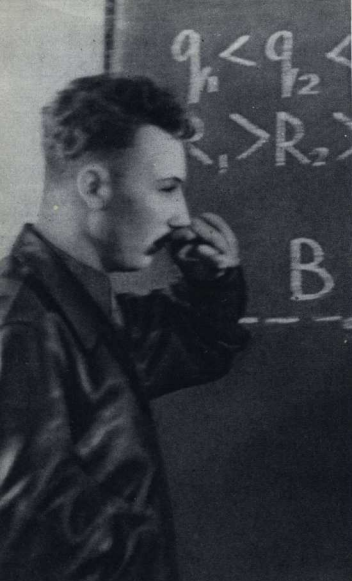
Сказочный огненный аппарат мчался в полной тишине. И лишь скрывшись за лесом, победным тысячетрубным ревом он сообщил на землю: все в порядке, первый полет проходит успешно.

Первый полет проходит успешно... До чего простая фраза! Но за ней всегда подлин: Подлин людей, создавших чудо-самолет и воплотивших в металл дерзновенную мечту Генерального конструктора.

Подлин человека, дерзнувшего обуздать стальную птицу, приучить ее преданно служить людям. У этого человека самая мужественная профессия — летчик-испытатель.

Была бы наша власть, в его летную книжку мы обязательно внесли бы новые графы: «патриотизм», «коллега», «скромность», «трезвость мгновенного расчета», «железная воля», «любовь к людям». И каждый день, после каждого полета, в этих графах сам народ ставил бы оценки. Они всегда были бы одинаковыми — высший балл. Без этого не может быть летчика-испытателя.

1. Трудно приходится сегодня Владимиру Гордиенко. Зато завтра в полете будет легче. Здесь живут по завету Суворова: «Тяжело в ученье — легко в бою».
2. Летчик-испытатель — это энциклопедические знания аэродинамики и метеорологии, физики и... химии.
3. На занятиях по штурманскому делу.
4. А это ночью, в уютном домике на краю аэродрома: летать надо там, понимаешь?

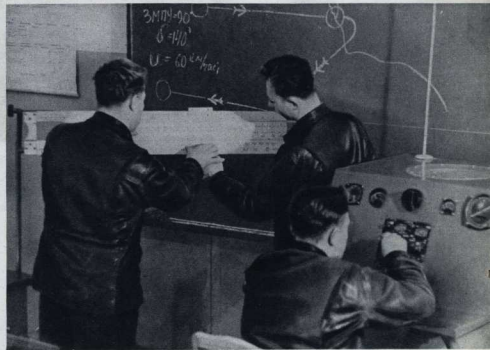
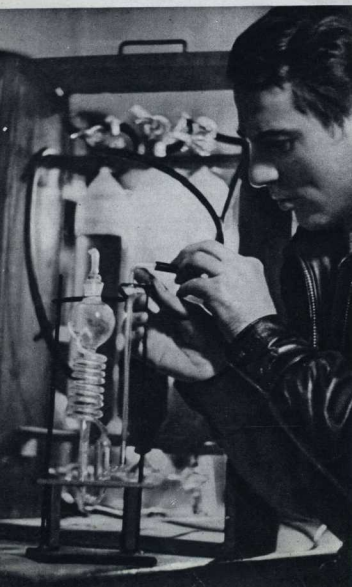
—Домики стоят прямо в лесу. Пройди сто шагов, и перед тобой приволье аэродрома, рассеченного прямыми бетонных полос.

В домиках живут веселые молодые ребята. Почти по всем дисциплинам, включенным нами в летные книжки, у них высший балл. Здесь они получают новые знания, набираются опыта, к своему пилотскому диплому добавят еще один — инженерный.

Мы живем вместе с ними. Встаем задолго до восхода солнца и идем на аэродром. Там — подготовка к полетам. Разборы у жарг. Расчеты на огромных макетах навигационных линеек. Работа на тренажерах. Потом знакомые ребята становятся какими-то чужими, похожими на космических пришельцев. Они уже одеты в эсотные противоперегрузочные костюмы.

Машины уходят в воздух. «Земля» руководит полетом. Она дает задания. Ставят неожиданные задачи. Порой поправляет. Иногда подсказывает. Иногда ворчит: Решай сам.

Воспитатели строг, придирчивы, занозисты. Но к их советам прислушиваются, боясь пропустить хоть одно слово. Ведь за их плечами весь опыт, который на-

Ясно, что летали сегодня здорово! Вот они, наши друзья-сверстники: Анатолий Целиков, Борис Веремей, Владимир Горденно.

копила авиация. Ведь через их руки прошли все ныне знаменитые летчики-испытатели, имена которых — Слава, Честь, Гордость страны.

Потом мы сидим на «уроках». Здесь учатся рассчитывать прочности машины, впитывают сложную методику испытаний на устойчивость и управляемость самолета.

Здесь теоретически решаются задачи запуска остановившихся двигателей, которые завтра практически будут решаться в воздухе.

Здесь все очень сложно и очень увлекательно.

Почему они пришли сюда, эти ребята?

Потому что мужество постоянно «прописано» в их характерах. Потому что они одержимы любовью к авиации. Потому что их мечта — «воспитывать» самолеты, летающие дальше, выше и быстрее всех.

В «школьничков» они превратились, уже пройдя академию летной науки. За плечами каждого из них — сотни часов полетов на

новейших машинах. Десятки эпизодов, где отвага и железная воля, героизм и трезвый расчет не заставляли себя ждать.

Вскоре они поведут в небесные сини новые машины. Им будет трудно, как всегда бывает трудно первоурожденцам. Каждый день они сознательно будут идти на разумный риск.

Каждый день они будут совершать подвиги: ведь без этого не «приручить» самолет. У того всегда строптивый характер, и покоряется он только человеческому

мужеству, помноженному на знания.

Они первыми будут поднимать в воздух и гигантские пассажирские лайнеры и маленькое спортивные самолеты. Они займут места за штурвалами тех новых машин, которые охраняют мир нашей Родины.

Глядя на этих, таких дорогих нам ребят, думаем: худо будет врагу, коль встретится он с чудосамолетами, получившими путевку в жизнь от наших друзей-сверстников, чья профессия — мужество.

авно это было. Лишь столетие старики, чья память целою держится за прошлое, помнит отставного солдата Васо Дондидзе, вернувшегося доживать свой век в родное село Мериа. Привез он с собой много замечательных историй о дальних походах и дивовиное зелье — чай. Рассказы Васо односельчане слушали с удовольствием, а от чая отказывались: зачем пить горькую невнятную воду, когда жажду всегда утолит родник или глиняный чурч с вином, который зарыт в подвале у каждой уважающей себя семьи!

Но Васо не сдавался, он упорно доказывал землякам, какой это полезный напиток. Однажды случилось несчастье. Васо, ингливший над очагом котелок с чаем, нечаянно задел его, и напиток вылился ему на голову. Сбежались соседи, охают, ахают, как спасти человека, а Васо, чуть пришел в себя, встрепенулся и спрашивает: — В котелке хоть что-нибудь осталось?

Рассмеялись мерички: — Пона есть чай, Васо не умрет. Много лет прошло с тех пор, история эта забылась, а присказка живет. Только теперь она имеет совсем иной смысл. Каждому изве-

стно, как полезен и нужен людям чай, с которым теперь не только в Мериа, но и во всей Западной Грузии связан любой человек. У маленькой пачки чая, которую можно купить в любом продовольственном магазине, довольно любопытная история. Чтобы рассказать о ней, совершим небольшую экскурсию в Грузию.

Когда-то купцы с величайшими трудностями привозили чай из Китая и Индии, продавали цветочками, чуть ли не на вес золота. Потом он стал экзотическим напитком аристократии, а затем «колоннальным товаром», как писали на своих вывесках торговцы-банальщики. Теперь чай стал доступен каждому, с него начинают и им кончат свой день. Большинство людей в любом месте нашей страны. Несмотря на это, Советский Союз долгое время был вынужден ввозить чай из-за границы, расплачиваясь за него валютой.

Создание плантаций чая в Грузии, разработка методов ухода за ними, сооружение фабрик для обработки листа — все началось, как говорит строители, с нуля. Первые загадки задал сам чайный куст. В исчисло чайоводческих стран — в Китае, Индии, на Цейлоне — вегетационный период продолжается круглый год. Сбор фле-

ЭКСПУРСИЯ «СМЕНЬ»

2 500 таких побегов нужно сорвать, чтобы получить 250 граммов готового чая.

шей (наиболее нежных листьев, а также, трехлистных побегов, идущих затем в переработку) там идет непрерывно. В Грузии не это было невозможно: климат «кавал разрежения» лишь на 5 месяцев. С природой, правда, не удалось, но все же удалось договориться. Это сделала неважная, седая женщина, живущая на берегу Черного моря, в известном чаеводом и курортником поселке Чанаа. Отсюда разошлись все сорта, приспособленные к новым условиям, не болелись холодами. Чай стал ведущей культурой Западной Грузии. А Иссена Бахтадзе академиком, признанным ученым, чье имя упоминал в одном из своих выступлений Никита Сергеевич Хрущев.

Есть в Махарадзевском районе поселок Ланчуты — центр самого чаеводского совхоза. Старожилы говорят, что название поселка означает в переводе «ириш шанкала», что «давным-давно, в начале тридцатых годов, в этих местах были густые заросли и непроходимые джунгли. Сейчас здесь ни леса, ни болота, сплошной чай да широколистые, похожие на динозавриные грибы чаевые сборщики, склонившиеся над кустами.

Чай собирают вручную. Почти не глядя на куст, сборщица обрывает самые нежные, только что распустившиеся побеги. Чем меньше лист, тем выше качество получаемого из него чая. Обрывается лист иногда даже на несколько часов, и под жаркими лучами солнца побеги завянут, утратят какую-то часть своих ценных качеств. В Ланчуты много опытных сборщиц, выполняющих в разгар сезона по три-четыре нормы в день. Но и в Званском и Дзюндеу бригаду коммунистического труда, возглавляемую Сулико Димандиадзе. Третий год держит эту бригаду переходящее знамя ЦК КПС Грузии, третий год везущий из этой бригады сдают на фабрику чайные листы лучшего сорта. 2.500 побегов нужно сорвать, чтобы получить килограмм чайного листа. А дневная норма — 16 килограммов. Для девушек из этой бригады, хотя бы вот для Алены и Наны Рухадзе, дневная норма — 20 килограммов. Можно только удивляться, наблюдая, с какой скоростью их руки обрезают куст.

Да, чай пока что собирают вручную, главный инструмент сборщицы — руки, одним прикосновением определяющие сорт и влажность листа. Но работа сборщиц очень трудоемкая. К тому же из года в год расширяются чайные плантации.

Обеспечить к концу семилетки всю нашу страну чаем отечественного производства — вот каков заданье дали чаеводы Грузии Коммунистической партии и Советского правительства. Успехи налицо, о них упоминал в Отчетном докладе ЦК КПС ХХII съезду партии Никита Сергеевич Хрущев. Недалеко время, когда отпадет необходимость в занюхан чае за границей, останется лишь какое-то небольшое количество, необходимое для любителей заморских сортов. Но как собирать такое огромное количество чайного листа? В разгар сезона, когда фляжи подходят особенно бурно, рабочих руки не расквасат. Школьники, студенты, слушники — все едут на плантации спасать «садовое золото», как прозвали чай охотние до звонких сравнений журналисты.

Выход был один — механизация сбора, тем более что остальные процессы в чаеводстве уже доверены машинам. И здесь тоже пришлось начинать с нуля. Ведь нигде в мире чаеводческих машин нет. А в Советском Союзе они уже есть. Есть они и в Ланчутском совхозе, ставшем своего рода испытательным полигоном.

Вот они идут по плантациям, пофирными моторами. Они разных видов и конструкций. Машины собирают чай и работают с ним куда быстрее людей. Казалось бы, все в порядке. Но перед конструкторами стоит новая трудная задача: сделать сборочный аппарат так же чувствительным, как и руки сборщиц, заставить машину собирать только самые нежные побеги.

Пона этого добится полностью не удалось: фабрики нередко бракуют чай, собранный машинами. Но большой поход начинается с первого шага. Конструкторы и ученые сейчас буквально переселились на плантации, в производственных условиях дорабатывая свои детали. И во главе в мире в одном из крупнейших совхозов Грузии — Ингриском — наладил разрабатывать чайные машины. А в Ланчуты сейчас работает машина, сконструированная специально сортировкой, лающей лист по фракциям. В итоге собираемый ею чай фабрика начала принимать первым сортом.

В разгар сезона чайные фабрики, как и прежде, работают в чаеводском районе, работают на пределе, превращая все расчетные нормы зеленого ручейки в ночи полет по транспортеру и заключенным агрегатам, а продукция подается все новые и новые машины. На чайной фабрике шараф строения нравят папиросам, духам, губной помаде — всему, что имеет наон-инфуд запах, вход сюда запрещен. Чай легко впитывает любой аромат. Даже деревянные конструкции и детали приходится лагать толстым слоем осыни, не издающей никаких запахов.

Первый процесс на фабрике — завлаживание. 77 процентов влажности имеет только что сорванный лист. С фабрики чай выходит, оставив при себе максимум 7 процентов воды. Это значит, что из килограмма листа получается примерно 250 граммов готовой продукции. Из завлаживочных агрегатов лист выходит, потеряв 15 процентов влаги. Затем начинается срубывание в так называемых роллерах. Импортеры от Сухими находят в Дранская фабрика, где действует первая линия (в который раз мы повторим эти слова) непрерывная роллерная линия. Теперь к чаю на фабрике руки людей вообще не прикасаются. Оператор нажимает кнопки на пульте — начинают крохотать роллеры, трясется сортировка, ползет транспортер, и срубывание в трубочки поперечные листины продолжают путешествие по цепям.

Ферментация, сушка, сортировка готовой продукции — эти процессы следуют один за другим, и везде действуют только машины, наши советские машины, созданные советскими конструкторами. Многие зеленые холмики чай вызвали и жители целую отрасль промышленности, создали много новых профессий.

У работницы Тбилисской чаеваровочной фабрики Загры Иванчишвили сходится путь разноцветных чаев с различными сортами чая. Остались последние «инстинкты» — прилавок магазина.

Итак, подсушенные и отсортированные чаинки, еще недавно бывшие зелеными листьями, готовы к отправке. Но прежде чем попасть на прилавок, чай совершает далекий путь — на развесочные фабрики в Москву, Тбилиси, Иркутск, Одессу и другие города страны, где шумливые автоматы сами развешивают, укладывают и закупают веселые, цветастые пакетики.

Солнце над чайной плантацией... Этот рисунок вы увидите на куп-

ленной вами пакете чая, он является частью герба Грузинской Советской Социалистической Республики.

Труженики сельского хозяйства нашей страны делают все ради великой цели — дать и столу советских людей как можно больше хлеба, мяса, молока, масла, сахара и других продовольственных продуктов. В этой всенародной борьбе есть и лепта грузинских чаеводов. Ведь когда на столе много вкусных листов, чай пьет с особым удовольствием.

В. ЖИЛЬЦОВ

Фото 3. ПЕСОВА.

ВОЗДЕУШ ЧЕТЫРЬ ВЕКА

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Рисунки А. БАВАНОВСКОГО
и Г. НОВОЖИЛОВА

(Продолжение. Начало см. в ММ 17—21)

Космодиспетчеры знали, что четыре первые фотонные ракеты — «Ленниа», «Коммунист», «Земля» и «Солнце» — имели старые системы радиотелеграфа, по азбуке Морзе. С семью другими можно было говорить по единой системе космических сигналов визуального телеграфа. Для связи с первыми пришлось бы прибегнуть к старому русскому или английскому языкам. Радий и Леда знали эти языки в той мере, насколько это было необходимо им для указания командирам кораблей.

Для «Ленниа» и трех последующих ракет был заранее подготовлен обстоятельный текст радиограммы, которую надо было только автоматически передать, внося в нее необходимые коррективы. Для разговора со всеми другими космолетами никаких подготовленных текстов не требовалось. Диспетчеры знали систему сигналов наизусть.

Хотя Радий и Леда даже не думали, что им так повезет, и были убеждены, что показавшийся корабль не принадлежит к четверем первым, они все же выполнили те действия, которые предусматривались инструкцией, — доставили текст радиограммы и подготовили к работе автомат. Леда принялась за проверку текста.

— Где ты думаешь посадить его? — спросил Радий. — На Плутоме или на Ганимеде?

Леда подняла голову и усмехнулась.

— Это что, — спросила она, — овердевшая проверка моей компетентности или ты действительно не знаешь, что на Плутоме работают несколько экспедиций, о местонахождении которых мы не имеем сведений? Хорошо, я не сержусь на тебя, — прибавила она, видя смущение на лице Радия. — На Ганимеде много новых построек. Значит, и там нельзя. Веди корабль фотонный.

Значит, на Европу ??

— Конечно, я уже заменила в тексте слово «Плуто» на слово «Европа». Полагаю, что командир корабля знает это название. Оно очень древнее. Как ты думаешь?

— Это что, — лукаво спросил Радий, — проверка моей компетентно-

сти или ты действительно не знаешь, что названия планет и их спутников не менялись больше двух тысячелетий?

Все, что был в помещении главного пульты, рассмеялись.

— Кинь! — сказала Леда. — Итак, на Европу. Начиня вызов! А я свяжусь с Марсом. Там как раз находится подходящий ракетоплан. Он их встретит.

— А карантин?

— Как всегда, на Ганимеде.

Навстречу космолету полетели сигналы единого космического кода. На экране приемника корабля они должны были превратиться в разноцветные кружки и точки. Слова приветия и главный вопрос: кто?

На станции еще не догадывались об истине. Слишком невероятным казалось появление одной из первых ракет, которые всеми считались безвозвратно затерявшимися в пространстве. Их ждали, но не верили в то, что они могут вернуться. Между четырьмя первыми и семью последующими фотонными кораблями была огромная разница в мощностях.

Все двенадцать диспетчеров были твердо уверены, что приближающийся корабль не «Земля» или «Солнце», а один из семи.

Они ждали ответа, внимательно следя за экраном, не зная, что там, в радиорубке космолета, последние им слова превратились в ничего не говорящие одинаковые черные точки.

Но находится в неведении пришлось недолго. Когда прошло время, нужное радиоволне, чтобы дойти до корабля и обратно, неожиданно заработал аппарат новейшей конструкции, предназначенный для приема и отправления радиограмм по самой старой из когда-либо существовавших систем радиосвязи — по азбуке Морзе.

Радий кинулся к аппарату с такой стремительностью, что едва не сбил с ног кого-то, стоявшего на пути.

Все поспешили за ним.

На матовом стекле приемника уже чернели слова... на старом русском языке: «Повторите! Повторите! Повторите!»

Тире и точки радиограммы автоматически превратились в буквы. Но всем стало ясно, что неизвестный им радист космолета работал не телеграфом, а простым ключом.

— Одна из четырех! — прошептала кто-то за спиной Леды.

— Кто волнение Радий пропустил традиционные слова приветия.

— Кто говорит? Кто говорит? Кто говорит? Ответьте!

Леда бросилась к аппарату «ЧН». Чрезвычайная новость для всей Земли.

Полчасе — и всю Землю облетела сенсационная весть.

Люди прекратили обычные разговоры. Домашние экраны, заменявшие давно исчезнувшие газеты и журналы, очистились в мгновение ока. В напряженном ожидании застыли миллионы и миллионы людей. Прямая связь Леды и Цереры, переживавшая мощию станцией Марса, сразу прекратившей все передачи, словно застыла в ожидании.

Кто!

«Ленниа», «Коммунист», «Земля» или «Солнце»?

Космодиспетчеры никогда еще не приходилось испытывать такого напряжения. Вера сама их служба, казавшаяся им созданной в баснословном прошлом, появилась через несколько веков после отлета этого корабля!

Одна из первых фотонных ракет, созданных людьми! Несовершенная, маломощная, выглядевшая рядом с современными космолетами дотопотным тепловозом, именно она победоносно возвращается из космоса, из далеких глубин галактики!

— Странно и страшно подумать, — сказал один из диспетчеров, — что возвращается едва один тридцатый часть первоначальной ракеты. Все остальное они превратили в фотонное излучение!

— Тогда еще не знали практических способов использования аннигиляции, — отозвался другой.

— Вот где был истинный героизм! — горячо сказала Леда. — На таком корабле отважиться на полет почти к центру галактики!..

1 Европа — второй спутник Юпитера. Диаметр ее — 3 220 километров.

— Вынимайте! — сказал Радий. — Время истекает.

Матовое стекло было еще пусто. Но они смотрели на него так напряженно, что им казалось, что они «видят» стремительно летящую к Церере радиацию.

И в коллонию было столь велико, что ее двенадцать человек без всяких внешних проявлений чувства встретили появившиеся наконец слова:

«Космолет «Ленин»... Космолет «Ленин»...».

3

Последняя буква длинной радиогаммы, переданной с Церыры три раза подряд, легла на узкую полосу ленты отщипавшей черной черточкой.

Аппарат молк.

Экипаж космолета трижды прочел каждое слово. Они могли бы с тем же напряженным вниманием прочесть доложенную радиогамму и в четвертый и в пятый раз. Сухой технический текст казался им, так долго отгораживали от людей, красивым и звучным, как лирическая поэма.

Для Виктора Озерова, находящегося на пульте управления, сообщение Земли передали все три раза по линии внутренней связи.

Двенадцать человек долго молчали. Каждый из них по-своему переживал услышанные слова.

Связь установлена! Космический рейс закончен!

Они ждали этого часа восемь лет.

Остались позади томительные годы полета во мраке и пустоте Вселенной, в холоде пространства. Ушло в прошлое сознание затерянности в безграничной бездне и жуткие иногда мысли о том, что каждый проживает ни один день своей жизни, на Земле, совсем с половиной месяца.

Все стало на свое место, все обрело будничную реальность. «Церера. Космодиспетчерская станция. 18 сентября 860 года. По вашему счету — 3860 года.

Командиру космолета «Ленин» Второв.

Сообщаем данные посадки вашего корабля...»

Так начинался радиотрактат.

3860! Они это знали, но каждый из них вздрогнул, когда бесстрастным набором тире и точек «прозвучала» эта цифра в тишине радиоприема.

Итак, свершилось! Не оставалось места ни надежде, ни сомнению. Проведя восемь лет по часам корабля, по биению своего сердца, они, ступив на Землю, сразу постарались не воспринимать никакой информации.

Они знали, на что пошли. То, что случилось сейчас, было известно им в день старта. Почему же мучительно жалось сердце и невольный страх холодом прошел по спине? Одно дело — теория, совсем другое — практика! Легко рассуждать — трудно испытать на себе...

Давно обещанная деловым языком диспетчерского приказа, передала прошлую жизнь, отбросила ее в глубь столетий, встала на жизненный путь каждого члена экипажа космолета «Ленин» зловещим пограничным столбом, от которого можно было идти только вперед: возвращая не было.

3860!

Я родился в две тысячи девятом году... чуть слышно сказала Мария Александровна Мельникова.

Михаил Кривонос остался верен себе даже в этот момент.

— Ну и стара же ты, мать моя! — сказал он.

И, как ни странно, это не совсем удачная штука рассеяла гнетущее впечатление давно ожидаемого, но все же неожиданной даты радиотрактата. Люди словно ожили.

— Ну, вот мы и дома, — сказал Кривоноский.

— Дома! — донесся с пульта голоса Виктора. Тоска и боль звучали в этом слове. — Никогда и нигде мы не будем больше дома. Запомните это.

Восемь лет корабля повернулся к экрану, но он вдруг погас. Виктор не мелал ничего слышать. Второе молча покаял плачем.

— Конечно, дома, — с отнюдь недоумением сказал Кривоноский. — Повет окончен.

Инженер Джордж Вильсон улыбнулся и сказал по-английски (за восемь лет он так и не выучился русскому языку):

— Дастся пустяк. Пролететь еще солнечную систему.

Англиским языком плаватели все члены экипажа.

Но Кривоносский все же был прав. Они могли считать себя уже дома. Между кораблем и Землей протнулася надежная нить радиосвязи. Они не были больше вдали от людей, они обменялись с ними мыслями.

Двенадцать человек вернулись в человеческую семью.

Пусть сообщение передано еще не с самой Земли, а только с Церыры, это не имело значения. Они воспринимали его как голос Земли.

И разве могло быть иначе!

Уже восемь... нет, тысячью восемьсот лет тому назад люди освоились с солнечной системой и вступо в ее пределы чувствовали себя почти что дома. Когда «Ленин» стартовал в своей далекой путь, понятие «родины» постепенно переставало отождествляться с планетой Земля, а принимало более широкий смысл — солнечная система. За восемнадцать столетий это почти что космическое представление о родине должно было еще более окрепнуть.

— Мы дети Солнца! — любил повторять Игорь Захарович Второв. Виктор Алексеевич Озеров и Мария Александровна Мельникова мучительно тосковали по прошлому. Предстоявшие свидание с новой Землей не радовало их.

Особенно резко это сказывалось у Виктора.

Чем ближе подлетал космолет к Солнцу, тем мрачнее становился старший штурман, тем чаще раздражали его разговоры о Земле.

Путь освоившие условия жизни радиосвязи он не выдержал и высказал все, что накопилось на сердце.

— Не понимаю, что рдеует вас, — сказал он с горечью. — Мы видели

планеты Вегги и с11 — Лебеда. Только одна из них оказалась населенной разумными существами. Остальные были необитаемы, безжизненны, мертвы. Мы с радостью покидали их, даже Грезу. Потому что Земле привычного и знакомого там нет. Почему же вы стремитесь к ней? Она так же чужда нам, как и Греза. Вам кажется, что люди Земля — такие же братья для вас, какими они были прежде. Но это совсем не так. Они не будут понимать вас, и между вами и ними не будет ничего общего. Было бы лучше, если вместо Земли впереди стояла бы Греза. Ее обитатели непонятны и чужды нам, но мы и не ждем от них ничего общего с нами. Я хотел бы вернуться к ним! — вырвалось у Виктора. — По крайней мере я не испытываю бы столь остро чувства отчужденности, которое на Земле только усилится. Помните, нас ждет не Земля, а чужая, неизвестная планета!

Никто ни слова не возразил Виктору. Говорить с ним на эту тему было бесполезно.

Немного спустя Игорь Захарович сказал Мельниковой:

И вас и Озерова не следовало зачислять в наш экипаж. Здесь была бы другая психологическая просветка. Но вы виноваты сами. Зачем вы настаивали, зачем соглашались! Вы хорошо знаете...

— В отношении моего дела обстоит не столь уж страшно, — ответила командир Мария Александровна. — Я примирилась с тем, что нас ожидает. Меня не рдеует возвращение на Землю, это верно, но я не делаю из этого трагедии.

Меню очень беспокоит Виктор, — уже другим, озбоченным тоном сказал Второв.

— Обойдется, — тряхнула волосами Мельникова. — Это одна из форм космической травмы. У нас все в той или иной степени отдалы дань этой болезни. Кроме вас, — добавила она с уважением в голосе. — Вы один оказались невостребованным и движению Космоса. Все пройдет, когда мы ступим на Землю. Я уверена, что перемены не столь уж значительны. Виктор осянотит. И перестанет стремиться в новый полет.

— Он стремится обратно!

— Да, он говорил об этом. Он считает, что на Земле ему ничего будет делать. Он хочет проситься в новую экспедицию. Куда угодно, хоть в соседнюю галактику или еще дальше.

— Вот как! — задумчиво протянул Второв.

— У Виктора, — продолжала Мельникова, — возникает странное идеи. Вы знаете, о чем он чаще всего думает? О встрече с нашими современниками. Он несколько раз говорил мне, что только надежда на эту встречу дает ему силы.

— Откуда же могут взяться на Земле наши современники!

— Экипаж «Коммуниста», например, или другого какого-нибудь космолета, покинувшего Землю после нас. Ведь мы первые, но не последние.

— Разве он забыл, — начал Игорь Захарович, но вдруг замолчал, пытаясь рассмотреть лицо своей собеседницы. Двенадцать человек, настолько серьезно! — А вы сами, тоже надеетесь на такую встречу?

— Это было бы очень приятно, разумеется, но я не жажду ничего подобного.

— Почему?

— Потому что следующий космолет может вернуться очень и очень нескоро.

— Вы правы, — сказал Второв. — С экипажем «Коммуниста» мы никак не можем встретиться. Неужели Виктор забыл, что он получил совсем другое задание? Они должны были уйти на восьмилетний полет, как мы, а в одиннадцатилетний. Сами судите, каковы наши шансы встретиться с ними. Никто из нас не будет ждать, когда космолет вернется. Ведь остальную жизнь мы все проведем на Земле, в обычных условиях времени.

— Очевидно, он этого не учел. Бедный Виктор! — прошептала Мария Александровна.

Восемь лет пребывания в замкнутом мире космолета связали всех членов экипажа большой и крепкой дружбой. Двенадцать человек, таких различных на Земле, до старта, объединились перед лицом Космоса в единую, монолитно сплоченную семью. То, что пришлось пережить вместе, никогда не могло изгладиться из памяти. И радость одного была радостью всех, горе — общим горем.

Вот так искренне любил Виктор Захарович каждого из людей, там, на Земле, могли рассеять гнетущую тоску, которая все сильнее овладевала штурманом. Если вообще было возможно помочь ему.

Никто на «Ленине» не сомневался, что за восемнадцать веков человечество пережило динный и славный путь. Люди, конечно, изменились, но стали другими, не только нравственно, но, возможно, и физически, и они должны были стать гораздо лучше, благороднее, отзывчивее, чем были прежде. Так неужели они не найдут способов развязать мысли о минувшем у человека, попавшего к ним из далекого прошлого? Конечно, могут найти и найдут!

Но что надеется все.

— Мария Александровна, — снова сказал Второв, — можно задать вам один нескорый вопрос? Вы очень близки с Ксений Николаевна. Как она относится к Виктору?

— Я думаю, как все.

— Не больше?

Мельникова задумалась.

— Я понимаю вас, Игорь Захарович, — сказала она. — Это, конечно, могло бы оказать благотворное влияние. Но не знаю: Ксения очень скрытна. Одно время мне казалось, что она и Виктор любят друг друга, но в этот последний год между ними словно пробрела другая нитка.

— Это могло бы быть результатом его теперешнего настроения.

— Вряд ли. Но все же это шанс на излечение. Я правы. Попробую поговорить с ней. Но когда? Ведь сейчас не до разговоров: все думаем о Земле.

— Вот именно, о Земле. Жизнь, обычная, земная, вступает в свои права. Хороший предлог.

— Я попробую.
— Не обязательно на борту. Нас ждет неизбежный карантин. Вот тогда. Но только перед прилетом на Землю.
— Хорошо, Игорь Захарович.

Ей понятны и близки были заботы командира. Во что бы то ни стало надо вернуть к жизни заблуждающегося товарища. Любовь? Это было сильное средство. Все знали, что Виктор все восемь лет оказывал Ксению Николаевну — второму штурману — исключительное внимание. Оно было очень похоже на любовь. Но любила ли она его? Это никому не было известно.

Однажды на Гресе в тяжелой аварии с самоодушевленным энтузиазмом (немного похожим на земной автомобиль) Виктор сильно пострадал. Несколько дней его жизнь висела на волоске. Ксения самоотверженно ухаживала за ним. Она заметно похудела, осунулась и оправилась только тогда, когда Мельникова сказала, что Виктор вне опасности. Тогда казалось, что она переживает сильнее и больше, чем все остальные. Но была ли причиной этого любовь? А может быть, просто свойственная Ксении мягкость характера и доброе сердце? Потом, когда он совсем поправился, их отношения стали такими же, как были раньше. Даже как будто немного более холодными со стороны Ксении. Во время катастрофы Виктор получил глубокий шрам на лице. Это шрам заметно уродовал его, но не это же послужило причиной холодности девушки. Не такой она была человек. В этом Мария Александровна не сомневалась. Ее связывали с Ксенией Николаевной Станиславской не только товарищеские, но и прямые родственные связи. Они были двоюродными сестрами и знали друг друга с детства.

Второй знал, кому поручить деликатный разговор. Прошли сутки, и неожиданно ранняя связь с Церерой направила мысли Мельниковой в другую сторону. Сейчас не время говорить с Ксенией, которая чуть ли не больше всех на корабле радовалась концу рейса.
И Виктор стал менее мрачен. Все заметили, с каким волнением он читал полученную радиোগраму, читал три раза, как все. Это было хорошим признаком.

Космонавт летел уже так медленно, что до орбиты Юпитера было не меньше недели пути.

Она прошла незамеченно. Экипажу даже казалось, что время ускорило свой бег. Люди привыкли к монотонности месяцев и лет полета через бездну пространства от одной звезды к другой. И они умели наполнять это медленно текущее время интересной работой. Теперь, когда рейс подходил к концу, работу не надо было искать, она сама шла в руки. Двенадцать человек напряженно работали, до минимума сократив часы отдыха.

Командир и оба штурмана готовились к посадке, с помощью вычислительных машин рассчитывая наиболее выгодную и удобную траекторию. Чтобы миновать внешний пояс астероидов, они решили подойти к орбите Европы снизу, под плоскостью эклиптики.
Все эти расчеты пришлось производить заново. Все, что было изготовлено ранее, стало бесполезным. Они думали, что финиш космолета произойдет там, где был дан старт, — на Плутоме, — но неведомая им космодиспетчерская станция указала Европу, о которой они никогда не думали.

— Вероятно, Плутон не так пустынен, как раньше, — высказала предположение Станиславская. — И они опасаются, что мы нанесем вред фотонным излучением.

Оба радионинженера, Кривоносов и Вильсон, сменяя друг друга, непрерывно дежурили в радиорубке, ожидая, не придет ли еще какой-нибудь сообщение с Цереры. Но станция астероида только два раза запросила данные о траектории полета и... больше ничего. Ни одного слова о Земле. А сами радисты космолета ни о чем не спрашивали. За тысячу восемьсот лет должны были произойти такие перемены, о которых не расписывали в радиограме. Астрономы трудились больше всех. Наблюдать планеты солнечной системы извне — разве могли они пропустить такой редкий случай! А само Солнце! Его можно было рассмотреть непосредственно в телескоп.

Они понимали, что люди наверняка уже много раз производили такие наблюдения и что ничего нового для ученых Земли они не откроют, но... они сами-то видели это только второй раз!

Вместе с астрономами в обсерватории корабля дни и ночи проводили два биолога и Всеволод Кривенький. По просьбе старшего инженера, сурового и требовательного Константина Дмитриевича Котова, расчетного хозяина космолета, Второв приказал им помочь привести корабль в полный порядок.

Впрочем, один из биологов, Федор Яковлевич Федоров, являвшийся вторым врачом, недолго занимался «уборкой». Его потребовала Мельникова.

Экипажу «Ленина» предстояло пройти длительный карантин. Решающее слово будет принадлежать врачам космолета. Они должны сказать свое мнение о режиме и продолжительности карантина земным врачам. Нужно было еще и еще раз тщательно обследовать всех членов экспедиции, произвести многочисленные кропотливые анализы.

Работы хватало всем.

И дни, которые должны были казаться всем нестерпимо длинными, промелькнули совсем незаметно.
И вот настал момент, когда кресла перед пультом управления заняли сразу двое — Второв и Озеров. Это случилось только перед посадкой или взлетом.

До финиша остались считанные часы.

Теперь связь с Церерой держалась непрерывно. Космодиспетчерская станция для каждого движением космолета.

Очередная радиограма гласила:

«Для переборки вашего экипажа на Ганимед вылетел ракетоплан «ЦМП-258». Старший пилот — Стронций. Ракетоплан находится вблизи орбиты Европы и ждет приземления «Ленина», чтобы сесть после него. «ЦМП» опустится по вашему сигналу. Свяжитесь со Стронцием на волне 0,876. Диспетчер Леда».

Леда! Стронций!

Космонавтики уже поняли, что на Земле изменились имена людей. Очевидно, вышли из обихода фамилии. Обращения друг к другу упростились. Но им казалось, что при таком положении неизбежно должно возникнуть путаница.

— Теперь мы все можем забыть свои фамилии, — сказал Кривоносов. — Я превращусь в Мишу, а вы в Джорджа.

Вильсон кивнул головой.

— Леда! — Он повторил, растягивая слово. — Ле...да! Мне кажется знакомым это имя.

— Может быть, вы с ней когда-нибудь встречались, — пошутил Кривоносов. — Но мне тоже кажется. Как будто название картины.

— Леда и Лебедь, — вспомнил Вильсон.

— Правильно. Именно это. Забавное совпадение!

— В чем!

— В том, что, вернувшись от Лебеда, мы встретили Леда.

Наконец раздалась команда Второва:

«Прекратит связь! По местам посадочного расписания!»

На всех экранах испанской громадой выростала Европа.

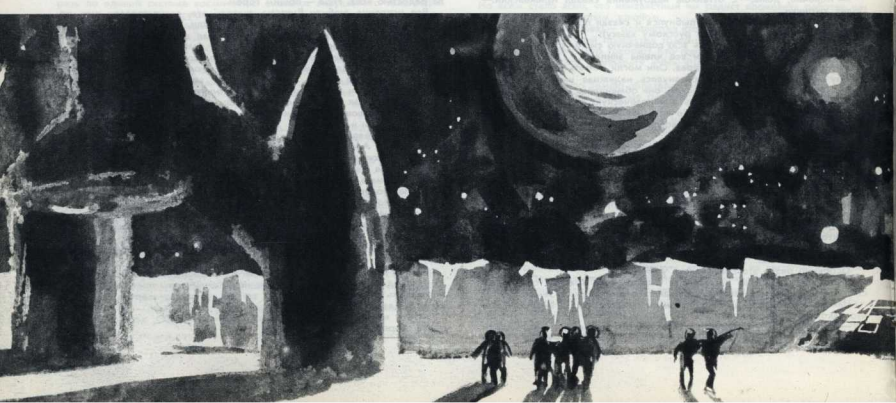
4

Четыре самых крупных спутника гиганта солнечной системы Юпитера — Ио, Ганимед, Европа и Каллио — были открыты еще при Галилее в 1610 году христианской эры.

Европа, второй спутник, отстоит от своей планеты на среднем расстоянии в 671 тысячу километров. Ее диаметр немного меньше, чем у спутника Земли — Луны, — и равен 3 220 километров¹.

Если Земля на небе Луны представлял собой внушительное зрелище, то можно себе представить, как выглядит Юпитер с Европы. Чудовищно огромный диск планеты закрывает собой чуть ли не половину

¹ Диаметр Луны — 3 400 километров.

небесода. Когда нижний край Юпитера касается горизонта, верхний находится возле зенита. Еще эффективнее, когда Юпитер висит сверху, над головой.

Знайка «Ленина» не пришлось полюбоваться этим редким зрелищем. По распоряжению диспетчеров Цереры космолет опустился на сторону, противоположную Юпитеру.

Подобно Луне, Европа обращается вокруг своей планеты за время, равное обороту вокруг оси, и всегда обращена к ней одной стороной. Атмосферы на Европе нет. И люди тридцать девятого века не считали нужным создавать ее, как они сделали это на только с Луной, но и с маленькой Церерой.

Глазам космонавтов предстал мрачный, скупо освещенный далеким Солнцем, неприглядный и холодный мир.

Космолет Европы был построен и оборудован свыше пятисот лет тому назад, и на нем, как и на Плутоно, можно было, ничего не опасаясь, принять фотонный корабль.

Гигантское поле, имевшее в длину до три километра, было не искусственным, а природным. С одной стороны к нему примыкала невысокий горный хребет, и там, хорошо защищенные от фотонного излучения, стояли здания технической службы порта.

Впрочем, они мало походили на здания. Низкие, словно прижатые к земле, без окон, они больше напоминали огромные, тщательно отшлифованные каменные глыбы.

Люди здесь никогда не жили. Вся служба космолета находилась в ведении кибернетических машин, непосредственно связанных с космо-диспетчерской станцией.

Повнуясь сигналам порта и пользуясь совершенной системой пеленга-ции, Второв посадил космолет точно на указанном ему месте, на самой середине поля.

Когда рассеялся туман, рядом с «Ленинкой» опустился небольшой аппарат, казавшийся птением возле гигантского тела космолета.

Это был точно самолет без крыльев и шасси, очень длинный, совсем не похожий на ракету.

Он опустился без малейшего признака пламени дюоз, которых у него, по-видимому, и не было. Возле передней части, по гладкому борту чернели буквы и цифры «ЦМТ-25В».

— Буквы похожи на русские, — сказал Второв. — А цифры такие же.

— Видно, — отозвался Виктор Озеров, — на Земле овладели анти-гравитацией. Иначе я не могу себе представить, как они мог опуститься на Европу, лишенную воздуха, так плавно и так легко.

— Да, совсем новая техника.

Они покинули пульт, за которым провели бесшумно восемнадцать часов, и перешли в радиорубку.

Кривонос только что принял приветственную радиogramму Строн-ции.

— Он спрашивает, когда мы дуваем покинуть корабль и перейти к нему.

— Разве он не боится соприсношения с нами? — недоумоенно спросил Второв.

— По-видимому, нет.

— Он говорит по-русски?

— Нет, по-английски.

— Почему он пользуется телеграфом, а не радиотелефоном?

— Не знаю. Но на мой ответный привет по телефону он не ответил. Пришлось повторить по телеграфу.

— Они плохо владеют языком, — сказал Кривонос.

— Передавайте!

Второв продиктовал длинную радиogramму.

Стронция ответил, и начался долгий разговор по радио.

Оказалось, что Стронция — один из диспетчеров с Цереры. Ракето-план захватил его по пути от Марса к Европе. Краме него, на борту «ЦМТ» были еще двое — пилот Кремний и врач-космолог по имени... Петр.

Это имя прозвучало неожиданно. Космонавты никак не ожидали услышать столь простое и знакомое имя.

— Стронция, Кремний и Петя, — сказал Кривонос. — Удивительное сочтание!

— Это? Петя, видимо, крупный врач, — заметил Озеров. — Не вздумай называть его так при встрече.

Стронция сообщил, что экипаж «ЦМТ» проведет весь срок карантина вместе с экипажем «Ленина». Это отчасти объяснило его непопятное бестрашие. Риск заражения неизвестным микробом существовал, но заболеть неизвестной болезнью, нельзя было погнуться, что эта болезнь не проявится впоследствии. Ведь экипаж «Ленина» высаживался на многие планеты, а на Грезе провел много времени. Диспетчеры Цереры уже знали об этом.

— К тому же на Грезе члены экипажа не пользовались биологической защитой.

Выяснилось, что покинуть Европу и перелететь на Ганимде нужно не задерживаясь. Космолет должен был остаться здесь. За грузом, состоящим из бесчисленных образцов пород всех посещенных планет, замороженной флоры, а главное, трофеями с Грезы, прилетит специальный грузовой корабль. Он уже готов к старту на одном из земных ракетодорогов.

— Вы не боитесь заражения экипажа этого корабля? Или ему также придется пройти карантин? — спросил Второв.

Стронция ответил, что весь космолет, как снаружи, так и внутри, будет подвергнут дезинфекции.

— Это сделают все люди корабля открытыми.

— А эти установив не могут повредить экспонаты?

— Нет, это исключено. Он же не сплывет и не помянется, что делают. Подобный отзыв об автоматах было странно слышать даже людям двадцать первого века, еще до отлета хорошо знакомым с успехами кибернетики. Очевидно, роботы настоящего времени умели соображать, как люди.

— А может, и лучше, — сказал Кривонос.

Петр попросил позвать к аппарату старшего врача экспедиции. Мельников разговор с ним принес новые неожиданности.

Мельников и Федоров считали, что карантин должен продолжаться несколько месяцев, а то и целый год. И, зная об этом, экипаж «Ленина» приготовился к тому, что еще долго не попадет на Землю. И заргуд оказалось совсем не так.

Петр сообщил, что карантин на Ганимде будет продолжаться... пять земных суток.

Мария Александровна так удивилась, что попросила повторить. Бестрастный стук аппарата подтвердил сказанное.

— Бать, может, четыре, — добавил Петр.

Было похоже, что он утешает свою собеседницу. Пять суток казались ему длинным сроком. А у двенадцати человек буквально захватило дух от радости. Пять дней!

«Как же вы высот достигла медицина! — подумала Мельникова.

— Вы считаете такой срок достаточным? — осторожно спросила она, все еще не вполне веря.

Ответ не оставил никаких сомнений.

— Вас двенадцать человек, — отступив аппарат, — да еще нас трое. Всего пятнадцать. По четыре часа на человека. Если вас не утомит такая нагрузка. На Ганимде одна камера. Вторая по несчастной случайности вышла из строя. Думаю, что сумеем уложиться в четыре дня.

— Если так, то зачем пять дней или даже четыре? — сказала Ксения Николаевна. — Скажите ему, что мы согласны на любую нагрузку, лишь бы скорее.

— Очевидно, они не допускают нарушений режима дня, — ответила ей Мельникова. — Он имеет в виду сон.

— Можно спать по очереди.

— Нам, но не врачам на Ганимде. Что ты хочешь, Ксеня? Мы были готовы к месяцам ожидания.

Почти час между Петром и Марией Александровной продолжался профессиональный разговор. Мельников хорошо понимала, что в срав-

вращения с тремястами тридцатью девятым веком она ничего не знает, но ее состояние ни разу даже не почувствовать того. Он тактично избегал всего, что могло быть непонятным врагу экспедиции. Со стороны казалось, что оба собеседника равны по знаниям и опыту. Но Мелниченко ясно видела тактику Петра, и почему-то ей не было ни досадно, ни обидно.

В заключение от Стронция пришла короткая радиограмма:

«Идем вас с величайшим нетерпением.

— Проготовитесь к переходу на ракетоплан! — приказал Второв.

— Что брать с собой? — спросил кто-то.

— Абсолютно ничего. — Все будет доставлено на Землю грузовым кораблем. Потопитесь товарищи!

Вот теперь двенадцать человек окончательно осознали, что межзвездный рейс закончен. Все было сказано, все решено. Осталось только выйти из корабля, в первый раз всем вместе.

Несколько дней... и Земля!

Было грустно покинуть корабль. Восемь неземных лет провели на нем звездолетчик. Они знали, что корабль навеки останется здесь, на Европе. Об этом сказал им Стронций.

Космолет будет переведен близкие к горам и останется так как памятник первой фотонной ракетке.

Второв в последний раз подошел к пульту управления. Долгий внимательный взглядом окинул он бесчисленные приборы, словно желая запомнить их навсегда. Прямо перед собой он увидел небольшую фотографию, которую сам же укренил здесь восемь лет тому назад. Двое людей смотрели на него с картинкой. Один еще молодой, с темными от загара лицом и светлыми глазами; другой старше, с небольшими шрамами на лбу.

Второв протянул руку, но сразу опустил ее. Он сам приказал ничего не брать. Не ему же нарушать этот приказ. Пусть фотографии остается здесь.

Медленно, точно жалея протнуть время, он один за другим открыл все люки на корабле, кроме выходного, и выключил механизмы их заперения. Роботам, которые будут производить дезинфекцию, ничто не помешает. Выходной люк будет открыт в последний момент, когда все люди наденут скафандры. Ведь за бортом космолета почти абсолютный вакуум.

Мгновение Второв колебался. Стронций сказал об автоматах: «Они не слышат и понимают, что делают». Пусть так! Но можно ли до конца доверять их сообразительности?

«Нет, этого они не смогут понять!», — подумал Второв. — А не все ли равно кораблю, куда он вылетит?»

Переведя выходной люк на автономное управление, он разбил тонкое стекло, закрывавшее красную кнопку в центре пульта, и резким движением нажал на нее.

Повне приборов смолкло. В рубке наступила жуткая тишина. Стрельки замерли. Лишь медленно опускался и нуле. Второв следил за ней. Вот она вздрогнула в последний раз и остановилась.

— Ну, вот и все! — Второв еще раз взглянул на фотографию. Двое людей, казалось, одобрительно улыбались. — Прощайте!

Он вышел, не оборачиваясь. Пройдет еще несколько суток, и погаснет свет. Настанет мрак и вечная непогодами. Никогда космолет не отделится от Европы. Космический рейс действительно закончился.

Лифт не работал. Второв спустился вниз по аварийной лестнице, отवेशно идущей внутри узкой трубы. Одинадцать товарищей ждали его, уже одетые в скафандры, готовые к выходу. Он быстро оделся сам.

— Стронций подал ракетоплан! — самому борту «Ленна» — сказал Кривососов. — Нам придется только спуститься, и мы сразу попадем в их выходную камеру.

— Хорошо! — Второв кивнул головой.

— Я очень волнуюсь, — сказала Исения Николаевна. — Как же они!

Все поняли, что она говорит о людях, идущих в ракетоплане, людях нового времени, отдаленных потомках людей двадцать первого века.

— Я уверен, — сказал Кривосев, — они люди как люди.

Волновались все. Даже Второв. Слишком необычно было предстоящее свидание. Виктор Озеров был бледен и мрачен. Он не сказал ни слова.

— Ну что ж, пошли! — Второв нажал кнопку.

Наружная дверь корабля отошла в сторону. Открылся взору привальный мир звезд. Внизу, под светом маленького Солнца, блеск корпус «ЦМГ-259».

— Лестницу!

Длинная лента металлических ступенек поползла вниз.

— Уничтожьте кнопку двери! — приказал Второв и первым начал пятнадцатиметровый спуск.

Коток быстро откинул прикрывающую пластину и тремя ударами оборвал все провода. Теперь дверь уже не могла закрыться. Через несколько минут из корабля выйдет весь воздух и рассеется в пространстве.

Один за другим космонавты покинули свой корабль.

Выходной люк ракетоплана был открыт. Когда все двенадцать человек собралось в камере, он закрылся.

Помещение было довольно велико и ярко освещено. Чем! Они не видели источника света.

Чей-то голос произнес по-русски, но с заметным акцентом:

— Снимите скафандры и сложите их в зеленый ящик.

Зеленый ящик стоял у стены. Он был металлическим.

Все, кроме Озерова, разделили удивительно быстро, быстрее, чем предельную эту процедуру когда-либо раньше. Виктор, словно нарочно, снимал скафандр крайне медленно.

Но наконец и он сложил свой доспех в зеленый ящик.

— Закройте глаза! — произнес тот же голос.

Они почувствовали короткое дуновение очень горячего воздуха, быть может, газа, а когда открыли глаза, внутренняя дверь ракетоплана оказалась уже открытой.

За ней стояли и смотрели на них трое людей. Очень высокие, массивные, они были одеты в легкие одежды. На лицах, казавшихся совсем молодыми, белозубо сверкали приветливые улыбки.

Около минуты обе группы внимательно рассматривали друг друга. Космонавты облеглое воздухом. Эти люди были такими же, как они сами, но только крупнее. И они показались им очень красивыми.

Неужели все люди на Земле стали такими?

— Это прекрасно! — прошептала Станиславская.

Один из встречающихся выступил вперед.

— По поручению человечества Земли, — сказал он по-английски (космонавты догадались, что это Стронций), — поздравляю вас с успешным возвращением. Земля ждет вас.

Больше он ничего не сказал. Длинные речи, видимо, были не приняты в тридцать девятом веке.

— Спасибо! — ответил Второв.

Экипаж ракетоплана, очевидно, смел официальную часть встречи законченной. Все трое подошли к космонавтам и по очереди обняли и поцеловали одинаково всех — мужчин и женщин. Это было сделано так просто и искренне, что даже Озеров почувствовал себя свободным, словно находился среди своих, близких людей.

— Меня зовут Стронций, — сказал тот, кто говорил первым. — Его — Кривосев. А это Петр. Ваших имена нам известны, но покажите, кому принадлежат каждое имя.

Второв назвал всех своих товарищей. Он говорил довольно быстро, но для членов экипажа «ЦМГ» этого оказалось достаточно. В дальнейшем они ни разу не перепутали ни одного имени.

Второв называл как имя, так и фамилию каждого. Но люди нового времени как будто сразу забыли фамилии. Они стали называть всех просто по именам.

Козырева пригласила своих гостей пройти внутрь ракеты.

«ЦМГ» не имел никаких кают. Одно большое помещение служило как для управления, так и для пребывания экипажа.

— Ракетоплан летает только на короткие расстояния, — пояснил Стронций.

«Ничего себе короткое!», — подумал Второв. — От Марса до Европы!

Стронция протянул Второву лист бумаги.

— Эта радиограмма, — сказал он, — получена нами в пути. Она адресована вам.

Второв прочел вслух:

— «Мои дорогие современники! Нет слова вызвать мою радость. Жду вас с величайшим нетерпением. Обнимаю и целую каждого. Дмитрий Волгин».

Космонавты переглянулись. Озеров вздрогнул и весь подскочил вверх.

— Кто это? — спросил Второв.

— Дмитрий Волгин, — ответил Стронций. — Человек, пришедший к нам, так же как и вы, из далекого прошлого. Из двадцатого века.

— Двадцатого!..

Они хорошо знали, что в двадцатом веке еще не было межзвездных кораблей.

— Каким образом, — начал Второв, но Стронций перебил его.

— Дмитрий Волгин не космонавт, — сказал он.

Продолжение следует.

УСТРЕМЕННЫЕ К СОЛНЦУ

ПОСВЯЩЕНИЕ

Рыбак на мореплаватель
пропавший,
Осмысливший свой жребий
гражданин,
Встань предом мой,
Ознобом бурь пропахший,
На собственной судачине
испытанный,
Что человек не может быть один.
Не должен быть...
И звезды быть в отсенки,
И пыться, отстужает океан,
И женские руки Человека,
Как молния, свергают сквозь
туман...

Но все же есть мгновения трагично,
(И не поставая я тебе во грех),
Когда
врасплох застигнутый стихией,
Ты победишь ее,
одни —
за всех.

Не потому что други не найдутся
И аз еще не постыжусь горю,—
А просто лично твой был этот бой.
И пусть молчат ныне словолюбцы,
Что превобрят ты дружбою самою.

Нет, други есть,
А лишь только позвои ты.
Зачем ахнуть ии будничных затей,
Когда ты сам сейчас встанешь
в зените
Мужской неوبرимости своей.

Ты движим его,
Словно солнцем древо,
И слово древо,
К солнцу устремлен.
И если эта сила не истяела,
То ты непобедимый Чемпион.

Из мускулов и воли крепко
спитый,
Преобразивший времени черты...
И если ты один — неустрашим ты,
А если много — то бессмертен ты!

СКРЕЩЕННЫЕ РЕЛЬСЫ

Солнца напейся,
Тромь небо рукою!
Скременные рельсы
Не дают мне покоя.

Скременные руки
Кричат о разлуку.
Забывают рельсы,
Воскрешая мучки...

На рельсах,
На рельсах,
В сорок перлом,
В разгоне,
Качалось детство
Мое в зпешаоне.
Подерго зенитками
Небо в зените,
Земельни нитками
Детство запито.
Забито. Забито
На этом перегоне.
И мама убита
В четвертом вагоне...

И мне на пути
От Днепра до Урала,
Мне страшные песни
Юность пела:

Ранена,
Ранена
Березишка белая.
Заманена,
заманена
Самая смелая.

Девчона богумлинская,
А может быть, манская,
А может быть, нашская,
Наташа,
Наташа...

Ой, куда мне деться?
Ножиком распято
На березе сердце,
Ой, перед закатом!..

Ой, перед закатом,
Ой, перед восходом!..
И хочу покаяться
Сорок третьим годком.

Я кланусь веками,
Я кланусь собою,
Я кланусь венками,
Теми, что после бою.

Мертвые, проснитесь,
Встаньте, распрямитесь!
Все живные люди,
Мертвым поклонитесь —

Тем, как светит солнце,
Тем, как звезды ходят,
Тем, как белый лебедь

Друга не выводит:
Не бывать убою!
Не бывать, поверьте,
А бывать — так бою,
А бывать — так смерти,
Только вражьи смерти!

А бывать — так росам,
А бывать — так солцу!
И ходит мне босым
К раннему влоду...

РЫБА АЗИИ

Сквозь соленого солнца накрапы
Я, надвывая знойдестку, смотрю,
Как поживают крабы
На покатах спинах зарю.

Мне понятна горячка путини,
Когда руки без промаха злы.
Но какая-то грусть без причин
Завлека морские узлы.

Но какая-то странная жалость
Ко всему, что уходит в потьму,
Словно рыба от страха прижалься
К сердцу дрогнувшему мозгу.

И уже, пошима, в чем дело,
Остры на приман не яду.
Чемра! их еще не отела,
Не пробрал их предсмертный зуд.

Рыба Азии!
Ждут мои сети,
Чтоб в ячи по плавники
Зарывался зям па рассвете,
И гулявые шл судак;

Спрокинутые порд-остом,
Чтоб горбатывался остовм их.
И кралывался амбуростом
Пренравляций катуку стик,

Чтоб вставал,
Молодой, синегубый,
Над путинною зям прилетал...
Рыба Азии, не на убою
Твоей нестойвой акром!

Я могу закричать от мучки,
Потому что, как совесть, острым,
Мне, певцу, взрвала руки
Голубые твои остры.

Ну, а я улыбаюсь, рыжий...
Нуждась это везело так,
Чтоб под сердцем забавался рыба
В обгаренных зарю руках!

! Штормовой ветер на Наспину.

СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА

Кричат к непогоде райы,
Их птицы ночные слышат.
И руки в рубцах и шрамах
Кричат к непогоде райы,
Вселенная их колышет,
И небо над их колыбелью
Выкажет красные ныи.
И только звезды на востоке,
Как будто над братской могиллой,
Встант над остывшим стопом,
(Траву эту ты косил),
Встант над остывшим стопом,
И ты, собравсь с силой,
И ты, приподнявшись,
Жестко
Себя самого спросил:
Зачем ты лежишь так доло
На этой железной постели,
Железно лежишь,
Завпява
Микстуру железной бедой,
Когда соловы тво только
Все в мире печал оттели,
И соловья умиляса,
Самой безгрешной росой.
Умиляса в саду соловьята...
А в ползаре юже косовица,
В разлуге большая жавы,
А ты лежишь, секретарь,
И смерть над лицом солдата
Косу занесла и грозитса.
Ужель это ты Косовина?
О мамо, подай «Кобзаря»!
Уж ты попомоса от века,
Что нас подкрепляет слово.
Я чую, как ровню в поленд
Дурит молодое вино.
Звеник, как судуба, подкова,
И радуга, словно вежа...
Ужель приначиваеся время,
Когда созревает зерно?
Ну что ж,
Я готов.

Но прежде
Пусть впроят мне могилу,
И слово последнее скажут,
Присылав его землей.
Ну что ж,
Я готов,
Но прежде
Пусть сердце и разум откажут,
Пусть кровь затвердет в жилах,
И они задретят темой:
Тогда, секретарь райкома,
Тогда лишь подумает стоит:
Сдаваться смерти на милость
Иль бить ее слова в оскла,
Вставай, секретарь райкома,
Нам это дороге стоит,
Но ты, дай бог, как работал,
Но ты, дай бог, как плавал!
Земля кодуем зломма
Под этими солгома,
Дрожало небо, как стекло,
И звезды дробились варзго.
И, мир раздвигая плачами,
Простернейся, слово знамя,
Ты шея вперед нам с нами,
Как только ядуть на рыс...
Так все ил, скажи, соловьята
Умиляса росой на рассвете?
Они приветят,

ты подойдешь к окоу...
Кричат к непогоде райны,
Целуют их белый ветер,
Вселенная их колышет,
Как песню нам колуу.
Ах, райны,
Последние райны
Последних сражений на свете!
Я чую, они за курганом.
За гробом долаких атак...
Мне мир интересен жавой,
Я колос один приметил,
Вставай, секретарь райкома,
И зряа зажми в кулак!

ОТКРОВЕННОСТЬ

Не бахвалство цено,
И не праздноствие мое ровор
И не праздноствие бауру трость,—
Быйчй рог и кулак боксера
И еще мужикуюююю

Воспевая стихом огрубелым,
Косоплащам,

рифмованным,
белым,
Ну, а в сущности, красным стихом.

И того не считая я смею,
Кто дождывал зуп кулаком.
Но когда долекул,
Дождая,
В мелкотравчатой злобе слыша,
Эта ярость, по-бични крутая,
Вдурт вметаетсво во мне на дыбы.

И когда,
Над святым измывался,
Мне прочдет с презрением:
Но-но,
Тыше, мальчик!
Грубя я срывался,
Я достану кулак все равно...

Я не считы свожу,
И не злобу
Второпых овладела пером.
Не люблю алшемере снобов
И чиновную праздноствие пригом!

И, не тратя завад без причин,
Смачна я,
Что, помимо всего,
Есть еще откровенность мужичина
И железное мужество слов.

Ураган

Рисунки
Г. БЕДАРЕВА.

С начала урагана до его конца прошло всего семь минут. Семь минут непрерывных событий. На каждой улице. В каждом доме. У каждого человека. Кто как прожил эти семь минут!

Синоптики говорят обычно: «Главное в нашем деле — интуиция». В тот погожий день, хотя приборы и не предавали беды, синоптики не были спокойны за погоду: за Доном проходила холодная атмосферный фронт.

Близорукое прищурившись, «хозяин погоды» читала сводку и одновременно осторожно проходила по карте замысловатую кривую.

Темнота наступала стремительно, так что каждый подумал: «А не слепну ли я!» Небо опуссалось все ниже, а дома и деревья тянулись выше, выше, выше. И когда они встретились, когда небо навалилось на кровли, а деревья начали ридарить его ветвями, тогда...

И когда ветер стал натомашить железной ладонью и ломать молнии о колена, тогда...

И когда лобовое стекло «МАЗа» побелело и пошло коломичи трещинами; когда капот, поддаваясь ударам четырехсотграммовых кусков льда, стал покрываться частыми оспинами, тогда...

Когда-то он вспомнил о детях. На берегу реки. Дети. С десятком паченов. А место совсем голое. И даже дерева ни одного нет. И через три минуты он был там. И правда, ни одного дерева! Где уж тут укрываться! Ребяткам пришлось прятаться под водой. А поверхность реки была будто вдавлена крупнокалиберными гранями.

— В кузов! В кузов! — зорал он. — Под брезент!

Но голос его заглупил в ревущем воздухе, не дотянув до реки. Тогда он выскочил на подножку и, зацедив лицо локтем, стал вслепую махать рукой. «В кузов, в кузов, под брезент!» — двигались его губы, но он не знал, кричит он или не кричит.

Он прыснул ребят брезентом. Не было с ними под забвевшихся полотно.

В это мгновение шквал напирался до предела. И а громкогослой свете, в столпотворении ошалелых ветров сорокаметровая опора высоковольтной линии подавалась и стала клониться набок. Ее стальные упрочил разлом ослабли, и она устало уронила свою вершину в реку. По воде мгновенно прошла дрянь.

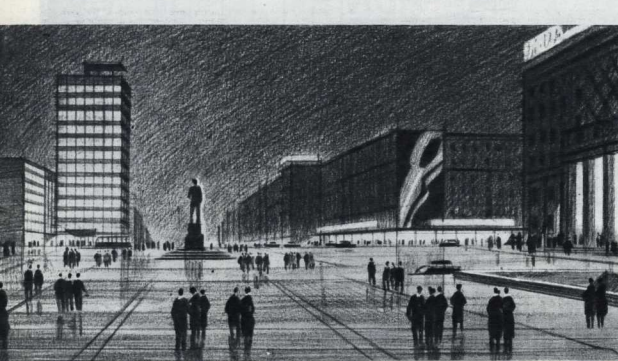
Шофер лежал под брезентом с краю и видел все от чинала до конца. Он сказал прижавшись к нему ребятам:

— Повезло же вам!

«Полоса урагана шириной от 15 до 25 километров пронеслась над Воронежем и окружающими районами области, причиня большая материальный ущерб».

(Из газеты «Известия»).

МОСКВА, М

Старая Тверская, ныне улица Горького, издавна считается главной магистралью Москвы. Возникли новые широкие, озелененные газоны и проспекты, назывались благоустроенных домов, но улица Горького никому не уступает первенства.

В мастерской № 8 Управления по проектированию жилищно-гражданского и коммунального строительства в настоящее время унавели улицу Горького такой, какой она станет в ближайшем будущем. Переворачивая листы альбомов, авторы проекта показывали нам квартал за кварталом, площадь за площадью, всю улицу, от ее истока, проспекта Маркса, до устья — Белорусского вокзала.

Пройдут считанные годы, и улица Горького преобразится. На всем протяжении будет поднижена одному плану.

Какие здания рациональные всего соорудить на свободных участках магистралей и взамен обветшалых строений, оставшихся от дореволюционного прошлого и подлежащих сносу? Раньше предлагали возводить только жилые дома. Теперь решили, что не следует увеличивать их число на главной городской артерии интенсивным движением и сопутствующим ему шумом. Пусть улицы на улице Горького поднимутся новые красивые отели, просторные магазины, рестораны, кафе.

...Как изменилась знакомая всем нам трасса! Там, где еще совсем

Представьте себе, только представьте себе, что с высоты двадцати метров на вас рушится поток битого стекла. Это грозит не царапинами, не порезом, а уечьем, гибелью.

Представьте себе, что чувствует рабочий человек, когда видит, как слева сила уничтожает его труд. Представьте себе, что чувствовали ребята с завода радиодеталей, когда увидели, как на конвейер падают, падают губительные осколки — гнутся тонкие латунные пластины. Нарушается хитроумная путаница разноцветных проводов.

Прежде всего — остановить конвейер! Все уцелевшие детали убрать как можно скорее! Укрыть немую аппаратуру толпой! И не болтаться! Не жалеть себя! А вокруг рушится, рушится звенящее сабельное стекло...

Если вы представите себе все это, вы поймете, какие это замечательные ребята — комсомолцы Воронежского завода радиодеталей.

..Ну, края это теперь, конечно, не рабочие. Резать это только — и на это. И все, и весь разговор. Обидно. А сколько мы его ждали, ждали! Добивались как! Все ходоуво часть сами монтировали. Здоровый он был, черт. А все равно той бомбой покоряжко. Все наши хлопцы исключительно переживают. Да этого вы не записываете. Да этого вы не записываете! Что в заводской? А что его знает! Столько здешь шуму от этого органа было, что а даже грохота не слышал...

И все, и весь разговор... Но Тычинин, механик завода железобетонных изделий, не бы, конечно, рассказать, как от первого же удара тридцатитонный кран застонал, словно рассыпавшаяся сосна.

— Эй, на вертогуре! — Тычинин поднял лицо к небу. — Слезай, пока не поздно!

Ветер струился стальную громадину с места и медленно потащил по рельсам. Тычинин метнулся к зажимам и стал крепить колеса мертвым. Он снова запрокинул голову, и пролет крана показался ему огромным, как небо. И это черное небо странно ушло куда-то назад и вправо.

— Ты что, смерти захотел! — бешено заорал Тычинин крановщику. — Слезай, слезай, тебе говорят!

Еще один зажим. Металл скрежещет по металлу. Все, что можно, сделано. Колеса скраены с рельсами, болты вжимают рельсы в бетон. И все же бетон не выдерживает. Болты вырываются из гнезд. Какое-то мгновение кран тяжело стонет на одной ноге, словно дрейфующий слон. Другая вместе с рельсами и

кусками бетона — в воздухе, над полгоном. Только-только успевают спуститься крановщик. Ветер скручивает веревки. В его руках они летят, как раскалившая проволока. Вот и второй релик разруает бетонное основание...

Тычинин: — ...Потом собрались мы возле крана: Алексеев, начальник полгона, Тя, товарищаник, крановщик Коля Мазинко... Поглядели... Обидно. Тут как раз солнышко проглянуло. Так, будто ничего и не было. Это тоже записывать не стои. Лучше опишите, крановщик назавтра же в соркоматровые башни лезает, чтобы цемент подмокнул сызть. Запомните фамилию: механик Петевте зима занимался. И что мотористы в две смены работают. Заменяют, значит, пострадавших. Сами. Без всякого приказа. Вот это и опишите. Стоит...

Улица Торпедо, 22. Старая липа на углу. Кто-то назнчал около нее свидания или останавливался, чтобы побеседовать с приятелем. Теперь липа лежит через всю мостовую. За верхним валомлилась в она дома напротив. Человек придавлен рщепленными стволем.

Сиреня! Сиреня! Сиреня! — Фальшур Лазовой! Машин на 30! Улица Торпедо, 22! — выкрикнул репродуктор алюминевым голосом.

Машинка 30. Она трогается сразу же и так стремительно, как будто вырывается сама из себя, из собственных очертаний.

Но в машине на фельдшур, а студент-медик Лазовой. Это он с дескток минут назад ворвался в станцию «Скорой помощи» и крикнул, что хочет помочь людям. Ему дали халат...

И вот — сиреня, сиреня! Она делит толпу пополам. Первый

недавно стоял приземистый, незвонкий домик, протянувшийся от «Национала» до Театра ины. Еромова, теперь стремился вась многоэтажный, сверкающий стеклами и алюминием отель на первом этаже и во внутреннем дворе которого разместились перестроенные здания еще несколько гостиниц поднялось в близком соседстве одна от другой. Площади Маяковского, на углу Большой Грушинской, у Белорусского вокзала.

Мы видим завершений ансамбль Советской площади с новым, громадным жильем домов по правую сторону от памятника Юрию Долгорукому. Неизменная фасад здания Института марксизма-ленинизма, по фронту которого протянулось живописное павильон. Отсюда руной поядте до Пушкинской площади. Сооружение современного микрорайона «Россия» было лишь первым звеном в черной перестройке площади. Рядом с нынешним зданием «Известий» вырос величавый Дом прессы. Напротив памятника Пушкину, там, где прежде тинулось двухэтажное строение почтового вокзала, расположен величественный метрополитен. Сколько удовольствий принесет москвичам эта прожектурная станция подземки!

Много нового появилось и на площади Маяковского. Исчезло старое здание Театра кукол. Сиевено и маловзрачный театральный задние же сейчас размещается театр «Современник». Вме-

сто них выросли монументальные дома, архитектура которых придает магистрали парадный и торжественный вид. И среди этих сооружений новый впечатлительный корпус, где находится штаб архитектурно-строительной мысли столицы — проектные мастерские. Много труда затратили архитекторы и строители, чтобы ликвидировать отдаленные «кварты», портившие общий вид крупнейшей городской артерии.

Сплошная лента зеркального стекла тянется по обеим сторонам

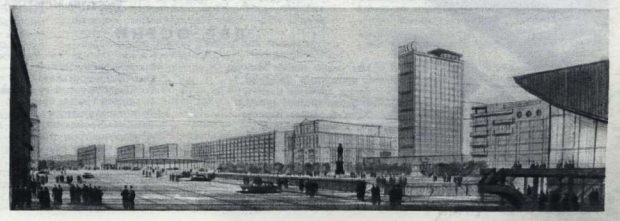
улицы. Наряднее, ярче стали витрины. Они как бы расширяют перспективу магазинов, отражаясь в богатство товаров, выпускаемых нашей промышленностью. Наступает вечер. Морем огней озаряется улица. Тысячи люминесцентных фонарей и газосветных ламп, световое оформление кино, магазинов, кафе и ресторанов, разноцветные рекламные вывески — все это создает запоминающийся облик новой улицы Горького.

Мы рассказали о набросках проекта, который, естественно, может

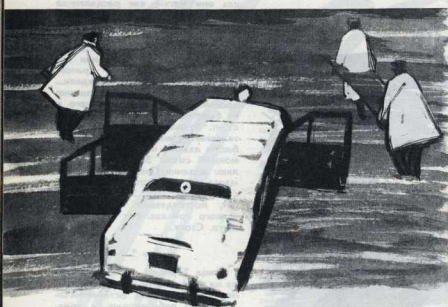
претерпеть изменения. Но уже сегодня проект претерпевает в жизнь. Отрицать инициативу «Россия» развратывается строительство гостиниц, которая переоборудовывается паркулом, на территории работы на участке возле «Национала» сейчас вымбарается проект отеля, полным ходом идет переустройство влигих витрин...

Это первые шаги в завтра улицы Горького.

В. АЛЕКСАНДРОВ, Г. ЛИДИН

выезд. Первым в жизни боевое задание.
Улицы Торпедо, 22. Человек при давлен стволем дерева. Диагноз

поставить нетрудно. Проникающее ранение в области сердца. Возможен летальный исход. Если перевести на русский язык,— смерть.

Весь обратный путь— продолжение борьбы. Отступая, ураган завалил улицы поваленными деревьями, развернул автобусы, разметал по асфальту дробленый шифер и листы железа. «Скорая помощь» ищет кратчайший путь. Это путь к спасению, к жизни.

...Первый выезд, первая жизнь, спасенная медиком Лазовым.

Город не должен оставаться без хлеба. Но несколько тонн уже замешанного теста приходится выбросить. В него попало стекло. Раздобревшие голуби и смешли-

вые воробьи нехотят расклевывать во двора торты «Сказка», «Идеал», пирожные «Эклера» и «Наполеон».

Равнодушные лики святых, склады занесенных хитоню и расплавленные английские крылья вознесены и распростерты в бышем Смоленском монастыре. Что святым! Потускневшими от времени глазами они наблюдали, как ветер выдвигал стекла и бросал осколки вниз, в дежи, в машины, в расстойку.

Им не понять людских забот... Вот первая смена, окончив работу, остается на ночь и до утра убирает цеха, чтобы смешки могли трудиться спокойно. По десять раз мыли машины, уродовали руки осколками. Снова замешивалось тесто, так же работали машины, но в два раза быстрее мельники привычные руки пекарей.

Ночью директору завода позвонили из горкома партии.

— К утру город будет обеспечен хлебом! — ответил директор.

— Фронт подходит к Воронежу,— доложили синптики.

— Поведел же вам!,— прощептал пациентам шофер самосвала.

— Ты что, смерти захотел? — бешено заорал Тичинин.

— Фельдшер Лазовой Машины 301 Улицы Торпедо, 22! — выкрикнул репродуктор алюминевым голосом.

— К утру город будет обеспечен хлебом! — ответил директор.

Словно голоса за кадром, прозвучали эти короткие фразы, сказанные в самых разных местах, но почти в унисон.

КОРОТКИЕ ВСТРЕЧИ

— Здравствуйте! Я из журнала «Смена». Расскажите о том, как восстанавливается город...

— Вот что ответили мне на этот вопрос.

Работник горисполкома:

— Одну минуточку!.. Чтоб гуляндю не внести, позволить, я в сводки загляну. Значит, так... Стекла по городу разбито: в школах— тридцать четыре тысячи квадратных метров, в больницах— шестидесять тысяч; в детских садах и яслях— тоже шестидесять. Та-ак. Но это за несколько дней восстановлено. Особенно отметить надо, что больница в первый же вечер застеклили. Вас еще какие-нибудь цифры интересуют? Тридцать новых магазинов по продаже населению строительных материалов открыто. Постепенно все налаживается. А как же иначе, нам вся страна помогает!

Дружинник:

— Слушай, у меня, зная, времени мало, я тебе всего два слова отвечу. Дел было всяких по горло. Город всю ночь патрулировали. На машинах. А то энтри-

ны и она на первых этапах, сам понимаешь, все открытые стояли. Но прощившийся на зарегистрировано. Ни одного! Сам понимаешь... Пора. Я ведь еще в восстановительной бригаде. Вегу. Привет!

Случайный прохожий:
— Я сейчас направляюсь непосредственно в комитет комсомола. На свидание родного жаловаться. На безответственное его поведение. Говорите, не волнуетесь? Как же не волнуетесь, когда он все чужим да чужим! А для дома когда? У них на заводе восстановительные бригады образованы, так он сутками там вкалывает, а для дома когда? В четверг? После дождика! Крышу крыть кто— Пушкин будет? Фамилия моя как-ка! А это зачем? Нет уж, лучше лучше: товарищ Иванов или гражданин Н. Как это у вас там полагается...

Корреспондент местной газеты:
— Люди проявили и проявляют себя с наилучшей стороны. Вам не приходилось слышать нашу гордуюсь быль о шофере самосвала? Могу с вами поделиться. Хотя я и сам об этом начинаю писать. Под названием «Неизвестный герой». Как бы считаете, не избитый заголовок? Намать предполагаю с того, как едет самосвал. Серая лента шоссе расцветает простор полей, как стрела. С неба падает град величия с головы ребенка. В вопросе, зачем сейчас расцветает? Вот напишу, тогда и прокомментирую.

Командировка окончена. Сегодня над городом большое солнце. И очень синий небо. Город рад погожему дню, как больной первому дню своего выздоровления. И все остающееся за спиной перестает распадаться на отдельные встречи, лица, разговоры, дни. Остается одна, единая память о мужественном, самоотверженном советском человеке.

Валентина БОЧАРОВА

ДВЕ ОСЕНИ

Мы осень любим мягкую,
С ореховыми звездами.
Земля грибами пахнет,
С рябин мигают грозды.
Идем в лесное царство
За оселью красивой.
В букет срываем красную
Веточку осины...
А где-то худо осень,
Что осень быстро изменит.
И кажется там осень
Не золотой,
а рыжей.

В колее расквашенной
Она букует, рыжая.
То кинет крупную градной
И мокрой грязью брызжет,
То когловни затонит,
Размоет стволылащадку,
И аверем-ветом топает,
И бьет в лицо ветшадно.
...Здесь не шутит осень
В золотых лесах—
Ее здесь просто восст
С собой,
на салагах.

Н. МАЛЫГИНА

Недавно Волгоградское книжное издательство выпустило в свет первую повесть Надежды Малыгиной «Сестренца батальона». Юрист по образованию, журналистка по профессии, Н. Малыгина принимала участие в Великой Отечественной войне и на основании увиденного и пережитого создала интересное произведение о большой фронтовой дружбе людей, отстаивавших свободу нашей Родины, о нелегкой судьбе Наташи Крамовой — санитарного инструктора танкового батальона. Повесть была тепло встречена читателями и критикой.

Сейчас Н. Малыгина работает над пьесой и романом о людях замлеченных целин. В ближайшее время Волгоградское издательство выпустит сборник рассказов писательницы, один из которых мы сегодня предлагаем вниманию читателей.

Л У Ж Ч И Н Ы

РАССКАЗ

За стеной палаты, в которой лежала Марина, было детское отделение. Оттуда доносились голоса, слышались плач, песенки, стишки. Там, несмотря на болести, текла обычная детская жизнь. Там, казалось, было уютно, тепло и весело. А тут, в терапевтическом, тихо, пусто и скучно. Конечно, можно было развлекаться, глядя в окно: в непрерывные дни под ним всегда толпились родственники или знакомые больные. Они пересовивались, перекриковались, сообщали новости — семейные, городские и в масштабе целого мира, бросали в открываемые тайком от врачей и сестер окна свертки и пакеты с лекарствами.

Но Марина уже знала всех приходящих. Вот если бы явился кто новенький...

И вот однажды под окном детского отделения раздался незнакомый голос:

— Юрка... Юрка... Юрка...
Голос был глуховатый, звучал монотонно и немного тоскливо.

«Неужели пьяный? — удивилась Марина и, соскочив с койки, пошлаела к окну.

— А ну в постель! — Романовна строго — не помышляй, то ли в шутку, то ли всерьез, — замалкнуса на Марину мокрой тряпкой. — Босая по мокрому полу! Я вот тебя в угол на горшок!

— Кто тут боной? — спросила, входя в палату, старшая сестра, толстая, величественная женщина, лицо которой казалось улыбающимся даже тогда, когда она сердилась. — Доброе утро, боная. Когда явнеча мает полы, надо не мешать ей. Надо лечь в постель. Постытьте, боная, градусник. Вот вам лекарство. — И она так же величественно удалилась.

— Доброе утро, в постель, градусник, лекарство... — перердазила ее Марина.

— Ты, папка, уже ва работу? — посылалась изза стеньки звонкой и радостной, но с лотками издетской складности голоса. — А мы только встали. Нам ставят градусники и дают сладкое лекарство.

— Ну как ты, Юрка? — спросила отец.
— Я, папка, хорошо. Ты меня когда заберешь домой?

Тебе надо выздороветь, Юрка.

— Я, папка, теперь совсем-совсем здоровый.
— Нет, Юрка, ты еще слабый. Тебе надо хорошенько подлечиться. Ты должен здорово есть. И пить все лекарства. Тогда ты скоро поправишься.

— Я, папка, здорово ем. Я следую почти все.
— Почти все? Это мало.
— Ну ладно, папка, я буду есть все.
— Вот это, Юрка, мужской разговор. Я тебе сэивок принес...

— Ладно, папка, я буду пить и сэивки. Только пусть скорее меня выпустят. Здесь скучно. Здесь все маленькое.

— А Светлана Васильевна сказала, что у вас в палате трое мальчиков старше тебя.

— Все равно, папка, они маленькие. Они плачут и плачут. Я не люблю, когда плачут.

Марина слушала, и обычное любопытство человека, уставшего от однообразной боляничной жизни, смешалось в ней глубоким интересом к смивтней к Юрке и его отцу.

Ушла, закончив уборку, Романовна, и Марина тут же соскочила с кровати, положила на тумбочку термометр и подбежала к окну. У человека, которого она увидела, было смуглое некрашеное лицо — длинное, с большим носом, с прекраснейшими морщинами у глаз. Худой и тонкий, как мальчишка, в солдатской гимнастерке и галифе, без палато, хотя было еще довольно холодно, он держал за руль велосипед, а сам, выгнув длинную шею с огромным козломом, пристально смотрел на нее.

— Нет, папка, я не люблю, когда плачут... — повторила мальчуган. — И еще когда кричат «хочу» или «не хочу».

— Потерпи, Юрка. Теперь уж немало... — сказала отец и улыбнулся. Глала его потемнела, черты лица смягчились, и он сразу вдруг помолодел.

— Ну, я поехал. Будь мужичкой! — Он поднял согнутую в локте руку с крепко сжатыми в кулак пальцами.

— Ладно, папка, — ответила Юрка.
Марина почувствовала, как сквозь непонятно чем вызванное удивление к Юрке и его отцу просочилась вдруг необъяснимая легкая жалость. Марина понимала, что оба они — и отец и сын — совершенно не нуждаются в жалости. И все-таки чувство жалости возникло.

В двенадцать часов дня, когда на соседней

с боляничной стройке наступил обеденный перерыв, под окном Мариной палаты опять, как вчера, и позавчера, и неделю назад, собралась бригада — все двадцать восемь человек.

— Синь-о-ри-на! — смешило пропала бригадир Коля Инфронтов. — Синь-о-ри-на, молю вас выйти на балкон...

А Марина уже стояла у окна и улыбалась своим друзьям. Когда доставлял из разношерстных карманов своего комбинезона прозрачные пакетики с ватными, эфиром и «Золотым ключиком», лимон, яблоки, пакетики детского темпотогена — все то, что так любила Марина, — и бросал их в чуты притворенное окно. Потому си, как опытный посетитель, потребовал поим от Мариногого боляничного халата, привнес к нему банку с клубничным вареньем и тоном победителя произнес:

— Тыя!

— Ну, чего стала-то? Тыя уж скорее! Старшая по палатам ходит... так же строго предупредила Романовна и погрозила Коле: — Я вот вам понарушу боляничный распорядок! Я вот выйду, да поймаша вас, да поставлю в угол на горшок.

Узнав нивко, Коля сделал вид, что испугался. Но Марина и впрямь встревожилась.

— Ой, старшая сестра идет! Она строгая... — Ну, ладно. До завтра! — Девчата и парни показывали Марину руками и пошам на стройку.

Только Коля Инфронтов все еще стоял на месте и, не отрываясь, смотрел на Марину. Девчушка улыбалась ему с нежностью. Коля опешена от столь частивной неожиданности, а потом вприпрыжку кинулся догонять бригаду.

— Юрка... Юрка... Юрка...

Марина невольно бросилась к окну.

— Куда, куда тебя леший боной пошел? — заключила на нее Романовна. — Шалить-то хоть надбля, голыушка твой бездумная, горе мне с тобой. Да смотри окошко не раскрывай. Я тебе в этом деле больше не потащива.

Юркин отец встал у соседнего окна. Велосипед его лежал на земле неподалеку.

— Папка, ты уже ва работе? — посылалась голос Юркин. — Папка, ты же ва фрезерном работаешь, да?
— Да, Юрка.

— Ну вот, а ребята мне не верят. Они ма-
ло знают. И они все время плачут.

— Они боялись Юрку?

— Нет! Они просто плакали.

— Ну, а как твои дела, Юрка?

— Я совсем здоровый. Светлана Васильевна,
может, завтра выпустят меня. Завещай, папка,
я оченю рад!

— Скорее бы, Юрка. Одному мужчине все-
таки жить скучновато.— Отец Юрку выгладил
устало, и слова его прозвучали — а может быть,
это слово показало Марине — особенно
грустно — Томко завтра, Юрка, тебе не выш-
дут. Я говорил со Светланой Васильевной.
Она сказала: «Через неделю, не раньше». Бо-
лезнь, Юрка, штука неприятная и опасная.
Ве надо прогнать. И так прогнать, чтобы она
не вернулась.

— Но Светлана Васильевна сама сказала:
«Может, завтра», — утримо повторил Юрка.

— Ты, сын, не правннись мне сегодня,—
нахмурился отец.— Когда ты окончательно по-
правннись, Светлана Васильевна на утренином
обходе скажет: «Ты уже совсем здоров, товари-
щ Буран, и сегодня будешь дома!»

— А обжаться на Светлану Васильевну не
смает.

— Юрка продолжала молчать.

— Будь мужчиной.

— Ладно,— утримо отозвался Юрка.

Отец поднял сжатую в кулак руку на уров-
нев плечи, призывая сына быть твердым, широ-
ко улыбнулся и, подвиг велосипед, вывел
его на дорогу.

Каждое утро — ровно в половине восьмого —
и каждый вечер — точно в пять тридцать — Бу-
ран подвигался к соседнему окну, и тогда слы-
шалось:

— Юрка... Юрка... Юрка...

У Марины сразу громко начинало биться
сердце, и кровь приливала к вискам. «Ну по-
чему, почему от такой тупости!» — думала она
и страстно желала сделать что-то такое, от че-
го бы у Бурана разгладилось лицо, потемнела
изглад и несмалый свет голоса. Она фантази-
ровала, мечтала, и все ее фантазии и мечты неиз-
менно заканчивались желанием Юрки и его отца.

Потихоньку от врачей и сестер Марина от-
крыла окно и, пока Буран говорил с сыном,
смотрела на него, на его выдвинутое лицо, но
так ладно сидящую на нем, чисто выстираную
гимнастерку.

Она надевалась, если она была в школе, стра-
дала, если видела, что он оченя устал. Она знала
каждую морщинку на его лице, знала его про-
стую и открытую улыбку, знала, каким стано-
вится его лицо, когда он видит Юрку. «Он весь
открытый. Смотри, и любибсь, и гордись», —
думала она.

Конечно, он фрезеровщик. Конечно, у него
самый высокий разряд, и он учится в вечерней
школе: она видела книги, привязанные шпага-
тами к багажнику, и сверху учебник лите-
ратуры для детского класса.

И у него нет жены. Не потому, что она не
принимает и этого, это ясно из чего-то другого,
хотя и не совсем понятно, из чего. «А Юрка
совсем будо взрослый», — подумала Марина,
и ей совсем стало жаль Юрку. Потом она поня-
ла это потому, что у Юрки нет обычных дет-
ских радостей. Он вырос на крошках мужских
ладонях. Он серьезен и рассудителен, как муж-
чина. Как настоящий, взрослый мужчина. Но
почему все-таки у Юрки нет матери! Может
быть, она дрянь! А может, она была хороша,
но случилась несчасть! Когда Буран уходил,
Марина ладилась на койку и не раз ловила
себя на том, что думает о Юрке и его отце.

«Интересно, как они живут! Я бы сделала их
комнату уютной. И я готовила бы им вкусные
и красивые, каждый день, разные обеды. И га-
дилась бы их рубашки — его и Юркину. А после
работы мы вместе гуляли бы в сквере. Или
читали. Или ходили бы в кино. И в кукольный
театр — это для Юрки. Я с гордостью расска-
зала бы им о том, как он и Юрка, старший,
большой и маленький — поправннись всем в
бригаде. Ведь я обязательно познакомилась бы
их со своей бригадой. И я уверена, что они
поправннись бы. И у Бурана стало бы несмалым
лицо и звонким голос. А Юрка стал бы
обыкновенным ребенком, только лучше всех
других детей.»

Рисунок Г. КОЗЛОВА.

...Буран уже привык к тому, что Марина, ко-
гда он приходит, стояла у окна. Видя ее, он
улыбался одними глазами. А Марине казалось,
будто он спрашивает, как она себя чувствует,
и желает ей доброго дня, и сообщает, что у
него хорошее настроение, что он идет на завод,
к своему фрезеровочному станку, чтобы может
быть, поставить рекорд. И она тоже улыба-
лась, и радостно кивала, и, приветствуя его,
подымала руку.

Во дворах флисовых домиков напротив боль-
ничных окон फिर абрикосы. Болье и бело-
розовые ветви на черных, голых, смалых ветви-
ках — без одиного листочка, — ветках выглад-
ли несметннво, будто кто-то соскунчившись
во сне нацелал на них крохотные бумажнне
лестнички.

Проснувшись одишком утром, Марина увиде-
ла, что вдоль двери наставлея проступила неж-
но-зеленые полоски травы, а деревья стоят, за-
тннутые густой сетью смалых змелых точек.
И ей стало необыкновенно радостно, необыкно-
венно легко.

Как на старого, давнего и оченя близкого дру-
га, смотрела Марина на Бурана, когда тот при-
шел, как обычно, в половине восьмого. Да и
каждая черточка в лице, и тонкие, чуткие ки-
сти рук, и оченя прямая, поджухтая и соби-
рающая фигура, и типично нацнченные хромовые
сапоги, и камка белого подворотничка на тм-
настерке — все это уже вошло в жизнь Мари-
ны, все было бесконечно знакомым. Марина с
улыбкой отгвтила на его легкий приветствен-
ный поклон и приоткрыла окно, чтобы лучше
слышать то, что он сейчас скажет ей. Она была
уверена, что он сейчас скажет ей. Она была
уверена, что он сейчас скажет, должен сказать.

Но Буран уже разговаривал с сыном. Он ни-
чего не сказал Марине. Это удивило и обидело.
«Да ведь он меня совсем не знает!» — убеж-
дала она себя, но чувство обиды не проходило.

Стоя у окна, она все думала об этом, и
смотрела на Бурана, и прислушивалась к звну его
голоса. Уходя, Буран смалком возвращал на Ма-
рину, и ей показалось, что он достигал обо
всем происходящим с ней и что с этой мину-
ты они стали обладателями им одним извест-
ной тайны.

Восторженно вспоминал весь день не поки-
дало Марину. Заложив до подвоям шестого она
уже стояла у окна и вглядывалась в ту сторо-
ну, откуда должен был появннись Буран. Она

смотрела с волнением и радостной тревогой.
Сегодня она, конечно же, поговорит. Она при-
откроет створку и первая скажет: «Здравстуй-
те. Я вас так давно жду!...» — и потом произне-
сет какие-то оченя важные — какие, Марина
еще не знала — слова...

Уже было без четверти шесть, а Буран все
не шел. Марина выскочила в коридор прове-
рить свои часы по настенным болямнцам. Но
и на них было без четверти шесть. Она броси-
лась в палату, к окну. «Может, Юрку уже вы-
писали, он забрал его, а я ничего не знаю!».

И вдруг слова, как не было уже несколько
дней, упрощенно жалось сердце. Что-то
острое подступало к нему, прозяло пронить.
На тумбочке рядом с холодным термометром
лежала порожня, в смаловом стеклянном
стаканчике желтая микстура. И порожня и ми-
кстура так и остались непрокутыми. Марина да-
же не вспомнила о ней. Она все думала и ду-
мала о том, как же теперь быть.

«Где я найду их — Юрку и его! Где! А мо-
жет, случалась беда? Она открыла окно:

— Юрка... Юрка... Юрка, это я, тетя из со-
седней палаты. Я тетя, Юрка, оченя люблю.

Юрка не отгвчалась.

Бурана не было и в шесть, и в шесть десять,
и в половине седьмого. В соседней палате па-
ридал тишина — ни цокот, ни стукот, ни про-
сто детского лепета. Не было и слез. И это
Марину встревожило больше всего. Она вдруг
поверила в то, что произошло несчастие. Нуж-
но было что-то сделать, куда-то звонить, спра-
вляться, спрашивать. А она могла только бежать
из палаты в коридор и обратно.

— Эва, как зверь в клетке! — заметила при-
шедшая мить поном Романовна. — А нука, вы-
пей микстуру и порожня! А то в угол на
гора!

Почувствовал состояние Марины, няня обя-
ла ее за плечи, подвела к койке, ласково по-
просила:

— Валей, выпей, леповиска И полжика, пока
я под мою. Да у тебя, девонька, жар! Липо-
попьяннее помякнет. Сейчас я врача позову.

— Романовна, милая, не надо врача,—
заплакала Марина.— Я просто устала. Я хочу
домой, и в бригаду... в обжитую!...

— Ну, ладно. Успокой, девонька. Ужнн я тебе в
палату принесу, ты не вставай.

Стараясь не шуметь, нянька быстро домчала

плдам и ушла, осторожно и плотно прикрыв за собою дверь.

«Я возьму Юрку к себе,— немного успокоившись, решила Марина.— Скажу ему, что я его мама. Он поверит. Я буду любить Юрку, и его уже люблю...»

Мысли Марины прервала глоса. Нет, это был не глоса, это звучала сама радость—одна огромная радость:

— Юрка, Юрище, мы пришли!
— Спускайне, радость Бурана и это неожиданное «мы» обожгла догадкой. Едва напевив шапанцы, Марина бросилась к окну. Да, рядом с Юркиным отцом стояла женщина— невысокая, но стройная, и светлом платье и в простях туфельках на низком каблуке.

— Привет, Юрище!— восторженно кричала Буран, однако в его улабующих глазах Марина уловила что-то тревожное. «А может, это несерьезно?» Она еще пыталась обмануть себя, понимая, что у них все очень серьезно: об этом говорили их лица, и что-то неуловимо общее в их фигурах, и тщательно отпущенные гимнастерка и галфре Бурана, и его до самовариного блеска начищенные сапоги.

— Здравствуй, тетя Наташа! Я рад, что ты ко мне приехала!

«Приехала,— ответила Марина.— И имя у нее красивое. И сама красивая. А Юрка, оказывается, знает ее. И, может, любит...»

— И я, Юрка, рад тебе видеть,— присякала Наташа.— Как ты тут поправляешься?
— Я уже совсем-совсем здоровый! Меня, может, завтра выпустят!

Женщина смотрела на Юрку, подвизя к нему лицо, и улабляясь. Марина вслушивалась в ее глоса, ревниво высказывая такое, что могло бы не понравиться. Но взгляду женщины была открытой, прямой, улабляясь она просто и обязательно.

— Юрка, ты хочешь, чтобы тетя Наташа стала твоей мамой?— спросила Буран.

Марина заморла. Юрка молчал. «Он молчит! Он не хочет!»— обрадованно прошептала она.

Улабка на лице женщины сменилась тревожным ожиданием. У Бурана выгнулось лицо. Оба они черепашью, с тревогой и влажаской смотрели на Юрку и ждали его ответа. С тревогой и надеждой ждала его и Марина.

— Ты ведь любишь тетю Наташу, да?— спросил отец Юрку. И, не дожидаясь ответа, может быть, боясь его, горько заговорил.— Она будет жить с нами. Она нас тоже любит...

«Это нечестно,— кричало сердце Марины,— наталкивать ребенка на железный ответ! Это

нечестно! Пусть Юрка сам определит, без подкалывания...»

— Я очень нас люблю—тебя, Юрик, и твою маму,— негромко прозвонла женщина.— Мы будем жить дружно и весело.

Простота и искренность этих глос обезоружила Марины. А Юрка все не отвечала. Поставленная перед ним задача была сложна даже для такого серьезного и самостоятельного мужчины, каким был тогда малмущат. «Ну, Юрка, отвечай же скорей,— нетерпеливо прошептала Марина и уже неожиданно для себя добавила:— Она хорошая...»

— Пап, а можно сначала пожить вместе по-нарошке?— стеснясь своих глос, негромко спросила Юрка.— Если все будет хорошо, мы станем жить вместе всегда-всегда...

Смутившись взглядом Бурана сковазну по лицу женщины, словно говоря: «Не обижайся, он еще маленький. Но он мой сын, мы должны с ним советоваться. И он вправе так говорить...» А женщина улабляясь широкой и счастливой улабкой.

— Мы же взрослые люди, Юрик. Если кому-то из нас станет плохо, он прямо и честно скажет об этом. Но я думаю, что у нас все будет хорошо.

«Конечно, все будет хорошо!»— радостно подумала Марина. Она вдруг поняла, что волновалась. Волновалась за эту симпатичную женщину, и немного завидовала ей, и ощущала тихую радость, чуть-чуть грустную оттого, что пролетела мимо, едва ее коснувшись, мечта о любви, вызванная притеснением африксов и девятидцатим годом жизни.

— А-а, товарищ Буран, здравствуйте,— сказал кто-то в соседней палате. Вероятно, это была сестра или няня.— А нас завтра выпишывають...

— Меня выпишывають, папка!— закричала радостно Юрка.

— Мы об этом уже знаем, Юрка.— Буран улабляясь немного робко и тревожно.— Мы говорим со Светланой Васильевной.

— Завтра в дескты мы придем за тобой,— добавила женщина, обращаясь к мальчику.— Папу отпустили с работы. Меня тоже...

— А раньше прийти нельзя?— стеснясь своей фривольности, спросила Юрка.

— Но раньше дескты, Юрик, никого не выпишывають.

— Я знаю,— едва слышно прозвонс Юрка.— Но я буду рад, если папка и... вы, тетя Наташа, придет раньше. Я буду смотреть на вас в окошко...

— Хорошо, Юрик, мы придем,— сказала женщина. Улабка в ее глазах погасла от внезапно прозвонсшего Юрки «вы».

— Да, свидания, Юрище, да завтра!— Отец подвизя в приветствии руку.— Будь мужествен! Уходи, Буран увидела Марины, задержался под ее окном.

— Здравствуйте! Как у вас, идет дело из поправу?

— Да, я уже совсем-совсем здоров,— прерывающийся от молчания глосом ответила Марина.

— Желая вам счастья!— весело крикнула Буран и подвизя женщину.

И они пошли молчаливо, как на праздничной прогулке. Когда они вышли на дорогу, женщина обернулась, помашала рукой, потом бросилась назад, на бегу вытандила из петлицы пада рвущий тольман и бросила на широкий каменный карниз Юркиного окна.

— Спасибо, тетя Наташа!— крикнула в ответ Юрка.

Марина смотрела им вслед, пока сумерки не пологали их. И в эту минуту, словно для того, чтобы и другие видели их, красивых и счастливых, на улице вспыхнули электрические огни.

Утром следующего дня Бураны промчла мимо ее окна. Они шли, держа за руки маленькую на лет шестя в сером костюме и голубом берете. Он шагала, подвизая к ним — то к одному, то к другому — веселое, улабующееся лицо, подвизая ноги, подвизая у них на руках. Цвет его берета совпался с цветом платья Наташи, и это почему-то дало Наташу в глазах Марины настоящей Юркиной матерью. Когда они скрылись из виду, Марина распахнула окно и увидела на каменном карнизе два алых тольмана...

Трунт в Большой балет

Переполненный зал Большого театра. Выпускной вечер хореографического училища. Бурными аплодисментами встречают зрители молодых артистов М. Лавровского и Н. Сорочкину, выступивших в дуэте Антонова и Дианы из балета «Эсмеральда»; Н. Вурцелю и Н. Тагунова, исполнивших дуэт Колобова и Арсенина из «Медного всадника»; Глазю, А. Власова, танцевавшего Зигфрида из «Лебединого озера»;

Б. Динора, поразившего темпераментом и красотой армянского танца из «Галиа» Хачатуряна... Не случайно, что десять из четырнадцати выпускников училища сразу же были приняты в труппу ГАБТа.

Нельзя не сказать и о тех, кто обучил этих ребят: о С. Головиной и Ю. Кондратове, Н. Тарасове и Г. Евдокимове, М. Комуховой и О. Ходяте...
Глядя на «Миреню», в исполнении С. Захватюшиной, вспоми-

наешь, что этот номер поставлен нашим лучшим знатоком и исполнителем испанских танцев С. Юренем и подготовлен характерной танцовщицей и педагогом Н. Капустинной. Восхищаясь сильным и высоким прыжком В. Антонова в «Голубке», нельзя умолчать о его педагоге Ю. Кондратове. Последний сделал много и для лучшего выпускника Михаила Лавровского, когда тот со своей однокурсницей Татьяной Самойловой го-

товил знаменитое па-де-де из балета «Плава Паруса» Асафьева. И если теперь на сцене Большого театра осуществят прекрасную идею возобновления этого балета силами сегодняшних выпускников, то, конечно, юноше будет уже не страшно браться за партию героя — одну из самых трудных во всем балетном репертуаре.

С тех пор как тринадцатилетняя Наташа Бессмертнова впервые исполнила сольную партию — Амура

Выпускной экзамен.

Нина Сорочкина перед репетицией.

сеп 8 ✓

в «Дон Кихоте», прошло шесть лет. Из класса в класс, от роли и роли все сложнее задачи, все больше работы требует их решения. Участница «Гастушинов» — детского трио «Щелкунчика», одна из двух Снежинок, солистка в Розовом вальсе — через все «этапы» балета Чайковского прошла И. Бессмертнова.

А на выпуске мы увидели ее в «Этюде Листа» и в сцене драматизма «Дон Кихота» Минкуса.

Валерий Антонов в «Гопаке»

Какие разные произведения, и какая разная в них Бессмертнова! Сильная, глубокая и страстная музыка Листа... Мелодия, требующая от исполнителей огромного чувства, истинной эмоциональности, выражения любви чистой, беспредельной, всепоглощающей.

Во втором отделении вечера ей предстояло танцевать Повелительницу драм. Звучит приятная, чисто танцевальная музыка Минкуса. Сцена заполнена яриадами и амурами. Но мы сразу обращаем внимание на Бессмертнову, хотя стоит она из второго плана. Но как стоит! Гибкий корпус, свободная пластика рук, удлинённые линии тела и удивительно отрешенное от всего земного лицо... И кажется, что действительно перед нами духа леса, лишь на миг коснувшаяся земли, чтобы тут же подняться и улететь...

И она действительно полетела: воздушен и высок прыжок балерины, порывисты движения ее рук, быть может, чересчур длинных, монот, не совсем соответствующих канонам академического балета, но каких прекрасных, неповторимых руд!

Сразу после выпуска Наталья Бессмертнова получила дебют в Большом театре. Ее путь из школы в Большой балет завершился блистательно. Ее путь в Большом балете только начинается.

Вперед упорный труд и кропотливая работа. И не только у И. Бессмертновой и ее товарищей, оставшихся в Большом театре, но и у И. Тагунова и А. Прокофьева, получивших направление в Новосибирск, и у других выпускников. Счастливых путей!

сеп 7 фото Л. ЖДАНОВА. ✓

Наталья Бессмертнова и Михаил Лавровский исполняют «Этюд Листа».

Темпераментно танцует новосибирский танец Светлана Завхитшина.

Школьный учебник, казалось бы, не оставляет места для сомнений в этом вопросе. Он называет пять: зрение, слух, осязание, обоняние, вкус. Писатель-фантаст озаглавил один из своих рассказов «Шесть чувств». Под названием стихотворение о неведомом седьмом чувстве. Но хотя и прозаик и стихотворец дали волю воображению, больша, нешкольная наука легко оставляет позади их мечты.

Сверст пяти общепризнанных чувств биологам знакомы сигналы, которые поступают в мозг от движущихся конечностей. Известны им и сигналы, идущие от внутренних органов.

А что определяет положение человека в пространстве? Какие чувства служат ему для ориентации, хотя бы в скромных пределах комнаты?

Бесспорно, огромную роль играет зрение — это главный анализатор внешнего мира. Слух тоже может принести ценнейшие сведения. Ведь по звуку можно порой определить не только направление, в котором находится звучащий предмет, но только его местоположение, но, опираясь на память, можно узнать, и что является его источником.

Обоняние — куда менее верный компас, способный помочь в очень немногих случаях. Помня на новое место, здоровый человек обычно ориентируется с трудом. А вот слепой, которого кто-нибудь провел раз-другой по незнакомой дороге, идет по ней уже довольно уверенно, хотя здесь ему не помогают ни слух, ни, разумеется, обоняние.

В чем же здесь дело?

ЕСТЬ ЛИ У КОШКИ СЧЕТЧИК И КАРТА?

Трущобную кошку, героиню одного из рассказов замечательного натуралиста Сетона-Томпсона, увезли за несколько десятков километров от родных мест. По дороге она ехала в карете, в поезде, на речной пароме. И вот ей некогда удалось сбегать от новых хозяев и отправиться на родину.

«Как найти дорогу, которой она никогда не видела? В каждом животном живет чувство направления. Оно очень слабо у человека и очень сильно у лошади. У кошки оно могущественно. Этот таинственный путеводитель направил ее на запад... Обоняние несколько раз убеждало ее, что она набрала правильный путь. Припомнилась одна запад за другим, точно так же, как человек, пройдя незнакомую улицу, сразу забывает ее, но, увидев вторично, внезапно что-то припомнит и скажет себе: «Ну да, я уже был здесь однажды!»

Итак, главным вожакем кошки было чувство направления, а нос ее время обдувал ее. Да, теперь верно, мы проехали здесь прошлой весной».

Давно известно, что кошку можно отнести в мешке далеко от дома, запустив при этом свой путь самым придуманным образом.

Как только мешок будет развязан, кошка пойдет обратно, повторяя все повороты, сделанные человеком в то время, когда она бесцельно шаркала мышковиной и жалобно мяукала. Где же у кошки карта, отмечающая все изгибы пути? Где счетчик, измеряющий расстояние между поворотами?

А ведь кошка не исключение. Сетон-Томпсон не случайно помянул лошадей. Известно, что, потеряв путь в пургу, человеку лучше всего бросить вожжи и довериться своему четвероногому другу — тот уж вывезет его

к ближайшему жилью, в крайнем случае на дорогу.

Только ли направление на раз простом пути подсказывает животному таинственный путеводитель? Да и как узнать, что именно воспринимают они во время движения, когда не могут видеть свою дорогу?

Разоблачением таинственного путеводителя уже давно занимается группа французских ученых во главе с академиком И. С. Берташвили.

На помощь пришел метод выработки условных рефлексов.

Кошке завязывают глаза, помещают в клетку. Потом в течение нескольких дней перед тем, как кормить ее, переносит клетку на четыре метра, делают поворот направо, опускают клетку, открывают дверь. Прямо перед дверцей — кормушка.

РОМАН ПОДОЛЬНЫЙ

Кошка привыкла к такой процедуре. К концу пути она сама встает и готовится к выходу из клетки. В один прекрасный день направо поворачивают, пройдя с клеткой всего два метра. Но кошка не спешит к дверце. И с завязанными глазами она знает, что обычное расстояние не пройдено, до кормушки еще далеко.

В другой раз люди с клеткой часуются по дороге на четыре метра. Но поворачивают не направо, а налево. И оказывается, что кошка великолепно знает, где право, где лево. Она и не собирается идти к кормушке.

У другой кошки выработывают условный рефлекс на подъем. Прежде чем кормить ее, клетку поднимают на полтора метра. Через несколько дней клетку устанавливают на высоте одного метра. Этого оказывается недостаточно, чтобы вызвать слоноточение. Кошка великолепно чувствует разницу в несколько десятков сантиметров.

Точно так же удалось выработать у кошки условные рефлексы на определенные скорости движения. Аналогичные опыты, давшие во многом сходные результаты, проводились и над собаками. Они показали высокую чувствительность животных к положению в пространстве и к перемещению в нем.

Но эта чувствительность начала пропадала, стоило лишь разрушить так называемый вестибулярный аппарат.

Даже зрячие кошки после повреждения вестибулярного аппарата теряли на некоторое время способность правильно ориентироваться в пространстве. Они делали нелепые движения. Двигались к кормушке длинным зигзагообразным путем. Потом способность ориентироваться, казалось, была, восстанавливалась полностью. Но стоило надеть такой кошке маску, закрывающую глаза, и она становилась совершенно беспомощной.

Вестибулярный аппарат — это замкнутая полость, выстланная чувствительными нервными клетками. Клетки снабжены тончайшими волосками. И на эти волоски оказываются погруженные в студенистую жидкость отолиты — микроскопические кристаллики кальциевой соли. При изменении положения тела отолиты начинают давить на нервные клетки, посылая сигналы в мозг.

Ученым-анатомам вестибулярный аппарат известен давно. И уже давно было принято считать его органом равновесия, следящим за правильностью положения головы и тела.

Правда, больше полвека назад один ученый попытался доказать более широкую роль вестибулярного аппарата. Он утверждал, что этот

орган является органом ориентации в пространстве. Однако поставленные им опыты были неудачными. Интереснейшая научная мысль долгое время оставалась лишь острой умной догадкой. Так было, пока за эту проблему не взялся И. С. Берташвили.

Вестибулярный аппарат очень интересен историей своей эволюции. У рака, скажем, роль отолитов играют обонявательные песчинки, релактивающиеся в специальной полости. Австрийский ученый Крөйфель в свое время проделал весьма интересный опыт. Он сделал операцию маленькому рачку, заменив эти песчинки железными опилками. Эффект оказался удивительным. Вблизи сильного магнита рачок принимал положения, определяемые не земным притяжением, а действием магнитного поля. Под магнитом рачок упорно переворачивался на спину: ведь для него в этот момент «верх» и «низ» менялись местами. Опыты оказались волшебными.

СОПЕРНИКИ ЛЕТУЧЕЙ МЫШИ

В полной темноте летучая мышь ухитряется не наталкиваться на препятствия. Она оборудована сложнейшим ультразвуковым локомотором. Посылаемые им волны, отражаясь от препятствия скалы или ствола дерева, сообщают крылатой полнолунице сведения об их форме и размере.

Собаки и кошки упрямо используют органы не обнаружены. Но... Кошке с завязанными глазами выпустили из клетки. Ей надо пройти вслепую несколько метров до кормушки — привычный, не раз проделанный путь. Сегодня же рука эстествоиспытателя поставила на кратчайшем пути к кормушке щит. Принятые собачьи, они чаще упиралась в препятствие, хотя и среди них большинство умело, не задев, миновать его. По-видимому, животные воспринимают даже слабые звуковые колебания, отражающиеся от предметов при всяких шумах.

И все-таки за 12—20 сантиметров от него кошка, отворачиваясь, до щита, делает поворот в сторону. Нет, она не собирается отталкиваться от щита. Она просто обходит препятствие, как будто знала все его размеры.

Очень редки были случаи, когда кошка наткнулась на щит. Собака оказалась менее сплывающейся. Собака оказалась менее сплывающейся, они чаще упиралась в препятствие, хотя и среди них большинство умело, не задев, миновать его. По-видимому, животные воспринимают даже слабые звуковые колебания, отражающиеся от предметов при всяких шумах.

Как же воспринимает собака или кошка эти таинственные сигналы?

Может быть, кожей тела? В лаборатории И. С. Берташвили животным сделали костюмчики, плотно закрывающие все тело. Когда их пускали в эти костюмчики, а завязанными

глазами, распознавание препятствий утрудилось, но не исчезло. Попробовали постичь кошке уши. И это не изменило ее поведения. Но стоило заткнуть ей уши мокрой ватой, животное перестало ощущать предметы на расстоянии. Стало ясно, что обход препятствия на расстоянии — следствие условного рефлекса, образовавшегося в прошлом при наталкивании в темноте на предметы. А вот то, что с завязанными глазами животное, минуя препятствия, идет к кормушке, — результат работы вестибулярного аппарата, когда-то воспринявшего месторасположение кормушки.

АЗЛИТА БЫЛА ПРАВА

До сих пор мы говорили о работе вестибулярного аппарата у животных. Это понятие: эксперименты над животными — необходимая ступень в познании закономерностей и функций человеческого организма.

Права чувствования направления, как назвал Сетон-Томпсон «истиннейший путеводитель», развито у человека сравнительно слабо. Зрение способно во многом компенсировать отсутствие чувства пространства. Вероятно, поэтому до сих пор это чувство так мало исследовано. Но оказалось, что зрительная компенсация явно недостаточна. Существуют люди, от природы лишенные специфического чувства пространства, — глухонемые, у них разрушен вестибулярный аппарат внутреннего уха. Догно думали, что с помощью одного зрения они не хуже ориентируются в пространстве, чем люди с нормальным вестибулярным аппаратом. Но так только казалось.

Глухонемому мальчику завязали глаза, провели его по комнате, потом сняли повязку и

предложили повторить пройденный путь. Для абсолютно здорового человека это легче всего. Глухонемой же оказался беспомощным. А вот у слепых чувство пространства развито особенно остро: сказывается вынужденная тренировка. Если человека, лишеного зрения, посадить на вращающийся стул, он без труда отличит поворот на 90° от поворота на 180°, а последний от поворота на 240°.

В удивительной книге Алексея Толстого «Азлита» прекрасная марсианка рассказывает землянину историю своих предков, атлантов, говорит о людях племени дземей: «Они отличались одним необыкновенным свойством: на расстоянии они могли чувствовать природу и форму вещей, подобно тому, как магнит ощущает присутствие другого магнита. Это свойство они развили во время жизни в туманных пещерах тропических лесов».

Конечно, писатель не просто фантазировал. Эти слова навеяны рассказами об удивительной способности людей некоторых индейских и африканских племен ориентироваться в густом лесу в очень трудных условиях. О чувстве пространства мы пока знаем так мало, что нельзя еще точно сказать, была ли права Азлита. Во всяком случае, роль вестибулярного аппарата в жизни человека несравненно большая, чем думали еще десяток лет назад.

ЧЕЛОВЕК СТАНОВИТСЯ БОГАЧЕ

В некоторых случаях чувство пространства неожиданно искажается и становится на первый взгляд даже вредным.

В космических полетах значительное время звездолетчики должны находиться в состоянии невесомости. Отопили их вестибулярных аппаратов перестанут из-за отсутствия си-

лы тяжести давить на нервные клетки, сигналы в мозг искривятся, а то и вовсе исчезнут».

Первые опыты над животными и людьми в условиях невесомости, казалось бы, подтвердили эту точку зрения. Животные бесполокко металась по отведенному им помещению. Когда у некоторых из подопытных животных разрушили вестибулярный аппарат, они в состоянии невесомости руководствовались в движениях только зрением, и оно не подводило.

Что же, неужели человек специальное чувство оказывается лишним в условиях космоса? Неужели будущим космонавтам придется каким-то способом временно выводить из строя орган чувства пространства? Какой парадокс!

Эти опасения при их кажущейся новизне все же безосновательны. Блестящим подтверждением огромных приспособительных возможностей вестибулярного аппарата явились замечательные полеты Ю. А. Гагарина и Г. С. Титова. Подготовка к полету, долгие тренировки сыграли свою роль. Самостоятельно космонавты подтверждают, что и в космосе чувство пространства не мешает человеку, а, вероятно всего, помогает ему.

Человек научился усиливать с помощью приборов свое зрение и слух. Может быть, он сумеет лучше использовать и вестибулярный аппарат. Представьте себе пилота, которому не нужно смотреть на приборы, чтобы определить скорость полета, угол подъема или спуска. Сведения обо всем этом поступают непосредственно через орган чувства пространства. Насколько сильнее будет такой пилот! Человек и без компаса не заблудится в самом густом лесу, сможет вернуться тем же путем, каким вошел в него.

Да что говорить! Вдумайтесь: ведь человек становится богаче на целое чувство!

КРОССВОРД

Составил **Н. ВЯЛЬЦЕВ.**

По горизонтали:

5. Кличка собаки, впервые побывавшей в космосе.
6. Яркая звезда в созвездии Лебедя.
9. Большое созвездие северного неба.
10. Южное зодиакальное созвездие.
14. Советский астронавт.
15. Человек, совершивший полет во Вселенную.
16. Звездотарная часть, впервые обнаруженная в космических лучах.
19. Яркая яркая звезда в созвездии Близнецов.
22. Обитатель Луны в научно-фантастической литературе.
23. Небесная точка, откуда исходит путь Метевров одного потока.
24. Металл, входящий в состав первой искусственной кометы.
25. Одна из двух ярких звезд созвездия Близнецов.
29. Наиболее близкая к Земле точка лунной орбиты.
32. Автор научно-приключенческих книг.
33. Создатель учения об элементарных частицах.
36. Северное созвездие, видимое круглый год.
37. Революционер и изобретатель, выдвинувший идею реактивного летательного аппарата.
38. Средство связи.
41. Радиоактивный элемент.
42. Небесное тело, обращающееся вокруг планеты.
43. Время вращения планеты вокруг своей оси.
44. Радиоактивный элемент.

По вертикали:

1. Период, в течение которого поворачиваются солнечные и лунные затмения.
2. Воображаемая линия, делящая Землю на два полушария.
3. Южное созвездие.
4. Одна из четырех стран света.
7. Зодиакальное созвездие, видимое летом и осенью.
8. Русский ученый, открывший и измеривший давление света.
11. Наибольшая спутник Сатурна.
12. Паряд атмосферного электричества.
13. Равновоздушность метеора.
17. Древнегреческая энциклопедия по астрономии, составленная Птолемеем.
18. Телескоп для фотографирования Солнца.
19. Итальянский астроном, впервые наблюдавший небесные светила в зрительную трубу.
21. Звезда первой величины в созвездии Скорпиона.
26. Яркая звезда в созвездии Ориона.
27. Светлое образование на Солнце, видимое в телескоп.
28. Одна из собак-путешественниц в космос.
30. Первый летчик-космонавт.
31. Газ, первоначально открытый на Солнце.
34. Северное зодиакальное созвездие, видимое весной, летом и осенью.
35. Древнегреческий ученый, один из основоположников астрономии.
39. Тригонометрическая функция.
40. Фаза перигелия, часовой колебания уровня океана, вызванного притяжением Луны и Солнца.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫ В № 20

По горизонтали:

3. Серов.
5. Берлиоз.
9. Бандура.
12. «Вережина».
14. Аксенов.
18. «Кармен».
19. Легато.
20. «Анда».
22. Ключ.
24. «Амаринская».
26. Райн.
27. Монтан.
28. Нюганов.
29. Фриана.
33. Стасис.
35. Калбеласий.
36. Эпос.
38. Альт.
39. Онегин.
40. «Миньон».
41. Николан.
45. Харион.
46. Фермат.
47. Каргилл.
48. Писен.

По вертикали:

1. Рейзен.
2. Дембра.
4. Верева.
5. Лира.
6. Янка.
7. «Орленок».
10. «Резиновая».
11. Нютон.
13. «Юрсар».
15. Калан.
16. Педальница.
17. Верстовский.
21. Витган.
23. Байра.
25. Гагет.
31. «Мазель».
32. «Сильва».
34. Альфред.
37. «Соловей».
38. Андрилово.
42. Изан.
43. Адамо.
44. «Мандет».
45. Хора.

ода словно шепчется у его ног и, лениво забираясь по приборным каямкам, обессиленно сползает вниз, оставляя легкие пазурышки. Водя полотно, сложив свои иррыль-паруса, толкутся яхты. Манты напоминают осенний лес, они колыхнутся в такт набевавшей волне, чуть не задев друг друга. Будто о чем-то судачат.

Мальчишка стоит на берегу, пускает «блинчики». Слычат по волне отшлифованные Волгой камешки. Из-за некоего их полет. Тонит, так и не добравшись до яхт. Да и как до них добраться...

— Эй, шест! Иди-на сюда. Воду качать будешь!

Води в яхте много, даже станы плавают. Мальчишка хватается рывающую консервную банку и начиняет качать. Проходит много времени. Рука немеет, затекает спина, а вода не убавляет. Он с ненавистью смотрит на нее, но продолжает качать.

Подходит рулевой, тот, который позвал его. Глядит на мальчишку с усмешкой.

— Ну, как, юнга, делал? Его никто еще так не называл. Мальчишка поднимает голову, виновато улыбается — дельто идут не очень хорошо — и произносит услышанное юнгом:

— Под трюпичку поделуе.

Мечта оказалась рядом. Мальчишка уме трюган ее руками, и ради мечты своей готов был терпеть все.

И он снова с яростью набрасывается на воду.

А юнга через час яхты отходила от бона, мальчишка не понял: они

ли плывут или это станция вдруг медленно двинулась вперед по течению, словно покороенная какой-то сказочной силой. Парус рванулся, затрепетал поймавший шторм. Шкоты больно врезались в руки, стараясь утащить куда-то.

Мальчишка плыл в своем менту... А вокруг широко раскинулись Волга, С яхты она казалась еще огромней. Не то что глядеть на нее с откоса, когда и люди, и машины, и даже пароходы кажутся маленькими, иргушеными.

На стреле у стени порта стоят самоходки. Над ними хлопочут сильные, большие руни подьемных кранов. У Сибирских пристаней суетятся работки-каторники. Они на мгновение пристают к машинателлоходам, мекко тычась в их борты, рычат, как котята и кошке. И вдруг из-за стрели, нарушая привычный ритм трудовой Волги, вылетает огромный корабль. Даже невостужимым рыболом, лодки коротко столпялись на сиянии жемчужных русских рен, он заставляет забыть обо их священных обязанностях. Все поворачивает головы.

— Вот он, «Спутник»!

— Адмирал пошел! — говорит рулевой. И, прищурив глаза, улыбается, видно, вспоминая что-то...

— Правда, так адмирал, да? — недоверчиво спрашивает мальчишка.

— Может, и не совсем так. Но для нас, для парусников, он всегда Адмирал. — Рулевой молчит секунду, а потом продолжает: — Доволься до скорости Ростислава. А ведь тогда-то тебе, как ты сегодня, первый раз в яхту забрался... И услышал мальчишка удивительную историю об Адмирале.

...Эта яхта была загадкой. Она появилась на Волге нежданно, и ее черные паруса видели то в районе Студы, то под Истомом. Никто не знал: чья она и откуда. Никто не знал: работ, которые ходили на ней. Яхтсмены говорили о них: «Пираты» — а их яхту за незасланный вид окрестили «Севрогра».

В тот выходной была гонка. До старта оставалось минут тридцать — сорок. В судейской рубке шла обессененная дистанция, когда вдруг все увидели, что и водной станции полным ходом идет таинственная «Севрога». Лико сделал поворот, «пираты» мглико прищуривались и плотно. Долговязый парень в рваной телняшке, небрежно надувая на лоб выдающуюся лыску, с разломанной надвое козырьком, сказал своей команде: «Матрей! И зашагал по палубе станции.

— Кто здесь главный? — спросил он.

— Кто здесь ответа услышал: — Так, значит, это ты ботался на дистанции на своей лабей?

Капитан «пиратов» смущенно опустил глаза и из смывалого морского волна ирговено превратился в застенчивого парвеню.

— Ага, — признался он, и, оправдываясь, добавил: — Приницусы мы с вами хотели, Вель, у нас все самоделька; и яхту сами строили и парус шили и ветер...

Он, увидев, что вокруг все добродушно улыбалось, с надеждой спросил:

— Может, пустите нас в гонку? Правда мы знаем.

Допустит и гонке эту прибулыкую яхту и этого странного парвенюса с его дикой командой? Главный, конечно, не мог. Огромный капитан вернулся к своим.

— Говорят, нельзя. В следующий раз, говорит, и велели на дистанции не вытаскивать.

«Пираты» приуныли. Так мечтали они пойти в гонку вместе с остальными яхтсменами.

— Ладно, не нить, — сказал капитан. — Ах, вы же не яхтсмены! Обыкновенная команда «Севроги» поиниула водную станцию и ушла на своей яхте к другому берегу.

Но юнга был дан старт и яхты ушли в гонку, но только летга на их рух, Нет, «Севрога» никому не мешала. Но черные ее паруса виднелись на всей дистанции гонки.

На финиш она, взяв старт после всех, пришла первой.

Судья рывали руками:

Чудеса!

И снова шагнул по палубе станции выскочивший овалом телняшки. Шел, как ни в чем не бывало, хитро улыбался. Ни у юнги, ни у судьи спрашивать. Теперь уже спрашивали у него:

— Откуда ты такой зашел?

— Славна я, Алексеев, из Индустрального!

— Чья была тебе, парень, адмирала, — сказал кто-то.

— Чья была тебе, парень, адмирала, — сказал кто-то.

Яхтсмены — народ веселый. Они щедро присваивали друг другу высшие звания: так и тут был капитан и свои боюны, и графы Монте-Ириго, и маркиз де Соммер, и вельфы Флинтус. И все эти титулы так же быстро забывались, как и присваивались.

Ростислав Алексеев остался Адмиралом навсегда.

... Ну-на потравн станьсл, — сказал рулевой.

Мальчишка уме знал, что так называется перевод паруса. Он вынул из рул шкот, и парус снова затрепетал.

— Много, — сказал рулевой. — Чуть-чуть подбери.

И, когда парус успокоился, мальчишка нетерпеливо взглянул на рулевого. Боясь, что это легенда об Адмирале уже кончилась.

И не зная мальчишка, что это была юнга не легенда, и что это только начало...

Ветер, ветер, ты могу... Он знал его гордую силу, но хотел быть сильнее. Быстрее же надо.

Стать с ветром дружили не ждало дана. Ветер выбирал себе в друзья таких же, как он сам, повривистых, сильных, которых даже ему не сломить.

Адмирал стал с ветром на «ты». Они познакомились давно — в тот день, когда Алексеев поймаел в черные паруса своей первой яхты. Летели гонки. Ирочлал парус Ростислава, и ветер томе крепчал. Но все труднее ему было справиться с своим врагом.

Адмирал выдержал испытание на прочность характера. Ветер перел в него.

Теперь часто они разговаривали на языке, понятном только им — на языке ветер и Адмирал.

Перед гонкой Ростислав поиниула на высоту. Облопотившись на перила, он смотрел на реку. Молчал. И казался, прислушивается Адмирал и голосу своего друга. А тот повторяет свои тайны.

С ветром встречаться. Сейчас придет, все расскажем, — говорили друзья по команде — всегда веселый, как всегда, адмирал Полков и молчаливый, собранный Николай Зайцев.

Ростислав спускался с вышины. Он рассказывал друзьям все, что поведает ему ветер, и не было слышно, чтобы адмирал поиниула. Он шли яхты в гонку и побеждали, но не знали, по какой причине «Родина», «Русалка» и быстротой полжили на судейской дистанции. Други, Эйнапа Адмирала сам проиниула, но не знал, по какой причине были необычные обводы корпуса, где находилась невидимый глазом мимамет станция, а гонке другого яхтсмена.

Накануне той гонки ветер, как назло, надолго заштилел. Яхтсмены проиниули его, с тоской глядя в поиниула паруса. Бросали яхты, чтобы течением не неслолю их. Пососивались у стамбу парусному обьячу, надеясь, что ветер услышит их и придет наконец.

И только у Адмирала яхта шла. Это было несомненным в полной штиль, юнга все стояла, он шел.

С ним нельзя гоняться, — ворчал лодной парус. Бросали яхты. — Юнга так штиль, он берет с собой мешок воздуха и вылетает расстреленнойм ветер.

Кодуэн он, этот Адмирал, выжидал, пока вонюк не кончилось. А назавтра, расстреленный проиниула, Адмирал встал в стамбу стана. Люди выдержали и ветер выбрался из штиля. Но яхты оказались слабее людей. Одну за другой они выжили на станции, тымался в носок в приборный маяк. Не попадали в

тот день ветер и друга своего, Адмирала. Тот тоже попал под его горячую руку. Ужас на старте не ветер так рванул грот на яхте Алексеева, что гик вместе с нижней частью паруса оказался в воде. Застрепетал стансель, у которого оборвался шкот.

Видели все это с берега.
— Ну, уж если Адмирал сойдет... Но Адмирал и его команда пошли в гонку. Они зарифились, на ходу и на какой-то четвертушке паруса продолжили борьбу с забывшим о друге ветром.

Первым в тот день Адмирал не был. Но и последним тоже. Он сохранил лидерство, завоеванное после первой гонки, и не отдал его никому до последнего дня соревнования. Выиграл Адмирал регату.

Вручал ему приз главный судья. Им был тот, кто накануне встал под том Бронзовым богатырем над волжской кручей. Валерий Павлович стиснул в своих огромных ладонях руку этого высокого застенчивого парня и неожиданно помутившаяся взглядом чуть удивленным, но полным удивления в глаза Ростиславу и улыбнулся. И Ростислав улыбнулся ему в ответ.

Оркестр играл туш. А они стояли рядом — два земляка. Чалов знал, что этот парень — отличный спортсмен. Но не знал тогда ирыловец, который через двадцать лет первым пролетит по его родной Волге на своем ирыловском корабле. Не знал этого Чалов.

— Расправь-на молдунчик, — сказал рулевой.

Мальчишка от неожиданности вздрогнул и растерялся. А что такое молдунчик?

Оказалось, что это та самая нитка, которая привязана к стальным тросам.

Она показывает направление ветра.

Много лет прошло. Адмирал и его команда уже перестали привзначивать к борту своей яхты медали победителей гонки; медалей так много, что их не хватало места. И не было на Волге яхты, которую бы не обогнала адмиральская команда.

Но гулял по речным просторам небоевой гонимый соперник, которого они так и не могли обогнать. Он был быстрее, этот ветер.

...С высокого берега Волга кажется заснувшей и ленивой. Медленно тянется белый мех буруна шлепают допотопные плывы колесных пароходов, с которых на речье пели:

Раз Америка Россия
Подарила парокход,
Сверху вниз бегут колеса,
И ужасно тихий ход...

Приходил на Волгу будущий инженер-кораблестроитель. Он стоял на ее высоком берегу, смотрел на речу и мечтал о ее будущем. И мысли его, ирылавты и смелые, мог бы позавидовать сам Нильс Верн.

Скорость нужна тебе, скорость, — говорил он Волге. — Идеальная гладь речки — это же дорога-сазана. Но если на мысечках судах установить мощные двигатели, то озинина не будет стоять выделен. Сопротивление воды и действие завихрения настолько велики, что двигатель, нумен очень мощный, Он обойдется слишком дорого. И не оправдает себя. Значит, надо идти по другому пути. Но по иланому? Ведь не будешь же сделать норму на судах, как это мы сделали на «Ласточке». Да и вряд ли эффект будет большой.

Нужны были силы, которые бы подняли судно над водой. Подняли бы человека над землей. Его подняли ирыла, Воэьин и ты крылья, Волга. Я дам их тебе!

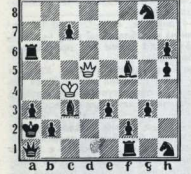
Но повисли над его Волгой селения. Война. Все мечты были отложены в сторону. Все, кроме одной. Солдаты шли и победа по выжженным огнем дорогам войны. Ее новали в цехах «Ирвинского Сорма» люди, которые забыли о том, что такое сутни.

Весна приходит в мае. Она несет свершение надежд. В мае сорон летоги пришла выстрдинная в сногах и длинных зимних онедях за хлебом, в землянках и холодных цехах заводов весна. Люд сбрасывали проселенные за эти годы ватники и кирзовые сапоги. Земля пахла вином и сыренью.

Проснулась Волга. Он встретил-

пешки — белая на «g2» и черная на «f4». Последовало: 1. d4 f6 + f2. Кр: f3 +, и чаше сталось. Аняля убеждает в том, что последний ход белых никак не мог быть «b5», но или же «f6». Последний ход пешек требует десяти взятий несправедливых фигур, а последние черных, особенно их еще не дитящихся с места пешек «e6» и «f7», говорит о том, что, кроме этих десяти взятий пешками, имеется место взятия черного слона на «f6» — не пешкой, а фигурой. Если к одиннадцати уничтоженным черным фигурам добавят шесть находившихся на доске, то получится 17 фигур, то есть столько, потому что у каждого из игроков их бывает более 16 фигур.

9. Белые берут назад свой последний ход 1. d4 f6 + f2 и вместо этого объявляют мат ходом 1. 0-0-0!

10. В этом примозгавше фантастическом положении, в котором король черных стоит на глаше поля вместо ослепленной «армии» (все «f» в корольстве), белым разрешается лишь одним-единственным ферзем, являющимся одновременно позиционным фактором в шахматной борьбе над материальным качеством, над количеством. Белые форсировано дают мат в 64 (!) ходах: 1. Кр: c5. Кр: f1 + Кр: a2. 3. Ф: f7 + Кр: 4. Ф: f7 + Кр: a2. 5. Ф: f8 + Кр: 6. Ф: f7 + Кр: a2. 7. Ф: f8 + Кр: 8. Ф: f5 + Кр: a2. 9. Ф: f5 + Кр: 10. Ф: f1 + Кр: a2. 11. Ф: f4 + Кр: 12. Ф: f4 + Кр: 13. Ф: f4 + Кр: 14. Ф: f4 + Кр: 15. Ф: f4 + Кр: 16. Ф: h1 + Кр: a2. 17. Ф: h1 + Кр: 18. Ф: h3 + Кр: a2. 19. Ф: h4 + Кр: 20. Ф: h4 + Кр: a2. 21. Ф: h4 + Кр: 22. Ф: h4 + Кр: a2. 23. Ф: h4 + Кр: 24. Ф: h4 + Кр: a2. 25. Ф: h4 + Кр: 26. Ф: h4 + Кр: a2. 27. Ф: h4 + Кр: 28. Ф: h4 + Кр: a2. 29. Ф: h4 + Кр: 30. Ф: h4 + Кр: a2. 31. Ф: h4 + Кр: 32. Ф: h4 + Кр: a2. 33. Ф: h4 + Кр: 34. Ф: h4 + Кр: a2. 35. Ф: h4 + Кр: a2. 36. Ф: h4 + Кр: a2. 37. Ф: h4 + Кр: a2. 38. Ф: h3 + Кр: a2. 39. Ф: h3 + Кр: a2. 40. Ф: h4 + Кр: a2. 41. Ф: h4 + Кр: a2. 42. Ф: h4 + Кр: a2. 43. Ф: h4 + Кр: a2. 44. Ф: h4 + Кр: a2. 45. Ф: h4 + Кр: a2. 46. Ф: h4 + Кр: a2. 47. Ф: h4 + Кр: a2. 48. Ф: h4 + Кр: a2. 49. Ф: h4 + Кр: a2. 50. Ф: h4 + Кр: a2. 51. Ф: h4 + Кр: a2. 52. Ф: h4 + Кр: a2. 53. Ф: h4 + Кр: a2. 54. Ф: h4 + Кр: a2. 55. Ф: h4 + Кр: a2. 56. Ф: h4 + Кр: a2. 57. Ф: h4 + Кр: a2. 58. Ф: h4 + Кр: a2. 59. Ф: h4 + Кр: a2. 60. Ф: h4 + Кр: a2. 61. Ф: h4 + Кр: a2. 62. Ф: h4 + Кр: a2. 63. Ф: h4 + Кр: a2. 64. Ф: h4 + Кр: a2.

x x x

Таким образом, шансы попасть в группу победителей нашей олимпиады после шести туров складываются более 300 (!) участников. Пока единоличное лидерство у техников Инессо-Заварова, комсомолки Л. Петровой. Она набрала 108 баллов из 120 возможных. 3. Роза Журавская (г. Ленинград) — 103. К. Саварова (г. Альма-Ата) — 102. А. Григорин (г. Кабан, Армянской ССР) и Чернин (г. Витязьский) — по 99. Н. Варченко (г. Миргород), Г. Журавлева (г. Б. Борок, Калининской области), А. Ярусин (г. Пошкар-Ола) — по 98. Г. Голин (г. Кроштанов) и В. Колесников (г. Пошкар-Ола) — по 96 баллов.

Мечты, зооморфизм и роботы

Рисунки В. НЕДОГОНОВА.

Лирический рассказ XXI века

Сияющие глаза, улыбка, порывистость, грация! Это Леночка, несчастливая моя. — Но вы такой старый! — воскликнула она в ответ на мое признание. — Даже смешно, что вы говорите о любви!

Я отшел от нее с гордо поднятой головой и разбитым сердцем. Прядательский сюжет тунет жизнь. Совсем недавно, кажется, вчера, мне было семнадцать лет, как Леночке, и вот уже старики двадцать три.

О своем горе, в поведении Петьке Возликову, другу, Петька непростил люб.

Заряка! — заявил он минуту спустя. — Помолодеет при современном уровне медицины тебе, конечно, не удастся. Зато ты сможешь подогнать Лену под свой возраст.

— Ни! — Палаят с годик на звездолете. Вернешься, а на Земле, согласно теории относительности, несколько лет пройдет. Посмотришь, станет ли она воротить нос, когда тебе будет двадцать четыре, в ей же двадцать восемь.

— Ну, придумаю! — разочарованно протянул я. — Посылай-то на звездолет одних роботов.

— Сообразай надо, — наставительно сказал Петька. — Закажи себе титановую оболочку, будто на маршала, влезь в нее. Ты же в драмкружке занимаешься. Неужели в отделе кадров управления космических полетов ты не сыграешь роль автомата!

Через месяц трансопространственный лайнер «Молекула», на борту которого находился я, удалялся от Земли, пересек орбиту Плутона и вышел, таким образом, за пределы солнечной системы. В списке его экипажа я числился как робот-автомат типа «Сатурн-119» рижского завода ВЗФ. Это значило, что у меня четыре контура памяти, я воспринимаю, кроме обычных, также инфракрасные и ультрафиолетовые лучи и могу работать в температурных пределах от минус двести пяти до плюс тысячи трехсот градусов Цельсия. На звездолете я был принят в качестве зетейника. У роботов прова свободного времени, и я вынужден был трудиться в поте лица. То организуешь игру в «кошки-мышки», то в «веревочку», то ломаешь голову, придумывая шаряду.

Я бы, наверное, совсем заматосал, если бы не электроннооптический «Клепчик» (среди молотулов не было страдающих расстройством электронной системы, но в полете молотулы случались всякое). Заглянул он как-то в мою голову и хмыкнул.

— Все транзисторами варишь? Смотри, пойдешь ко мне в лапы.

— Отстань! — отмахнулся я.

— Нет, серьезно. Мы тут с ребятами собрались «козла» забить, да одного не хватает. Присоединяйся.

— Не могу. Программу на завтра составляю. — Эх, чужак-робот! Да поручи ты это дело машине!

Он тут же научил меня обращаться с главным электронно-мыслящим устройством, я пошелка на клавишах — дал ему задание, и мы отправились в красный уголок. Там ждали нас специальный корреспондент журнала «Вокруг Вселенной» Бронзов и еще один автомат, которого величали не иначе, как по имени-отчеству: Иван Филиппович. По всему было видно, что это старый космический волк. Свою речь он обычно переслала «радиоэлектронными» выражениями, титановый корпус его покрывали многочисленные сварные швы — следы былых звездных походов.

— В морском или галактическом? — спросил Иван Филиппович.

Решил играть в галактическом. Иван Филиппович отключил у себя рентгеновое зрение, и мы ударили костяшками по столу. С этого начался для меня на корабле золотая жизнь. Вся основную работу я переложил на плечи машины, а сам забывая «козла» или торчал вместе с автентами в центральном посту, уставившись в экраны. Иногда на меня нападала хандра. Я записывал в кювет и вилочку магнетитодеревом. Леночка удивлялась за самечниками, Леночка у досек доказывает теорему Пифагора, Леночка с книгой — проплывала передо мной кадры.

Наш полет носил испытательный характер. Мы должны были проверить на форсированных режимах работу новых тогонных двигателей. В искусственном вакууме тогны сталкивались с антигонами. Энергия при этом выделялась колоссальная. Корабельные тогонники говорили, что на противотометную водородную бомбу они смотрят как на пистолет для детского стола. «Молекула» развилла скорость, близкую световой. Приближался момент, когда полет было начинать торможение.

Затормозим, повернем и двинемся обратно к Земле.

Я забрел в красный уголок. В микроприоритом кресле толкал меня Иван Филиппович. У бульварного стола толкался с кем-то в руке Бронзов, целился, бил. Шары с треском сваживались в лапы. Он продолжил мне перекинуться ладонью-другой в прыжку. Я отказался, сославшись на то, что утром по ошибке явился в правой стороне шарнир слишком густую смазку (но мог же я с ним на самом деле играть: сразу бы выяснилось, что у меня не мезаническая, а обыкновенная человеческая рука).

— Карман! — выругался Иван Филиппович. — Сейчас должны включить тормозные, клануть альфа Волоса!

И в тот же миг из-под ног циркнул пол, ухнуло, затрещало.

Когда я очнулся, было полутемно, едва светили аварийные лампы. Искуственная тяжесть исчезла, я встал, кохлясь, в воздухе, ногам к потолку. Переда мной парил бильярдный шар, обломок кия, сорвавшийся со стены копия с шпигинской картины «Утро в сосновом бору» и (я глазами своим не верил!) фантастически изменившийся Иван Филиппович. У старого космонавта оказались две головы. Та, которая должна была находиться на плечах, металлическая, с антеннами и объективами, отломилась и держалась на тоненьком проводочке. На ее месте очутилась другая — небольшая, с румяным курносиком личиком, башмаками в косичках.— Ислуганно уставившись на меня голубыми глазами.

С ума сойти! Вот артист!

— Не ругайте меня! Мне так хотелось полетать на звездочете! Я больше не буду! Что вы сделаете со мной?

— Еще не знаю, человек-звездочет, — сказал я. —

Может быть, высую на необитаемый метеорит. Как тебя зовут?

— Галочка Пирожкова. Не высыхайте же меня! Частное космонавство, я больше не буду!

— Ладно, верю! Помоти-ка мне отвернуть шлем. Заклинись.

Шлем отвинтился. Голубые глаза раскрылись так широко, будто увидели живого доисторического марсианина.

Ватный автомат нажал не на ту кнопку. Тормозные двигатели взорвались. «Молекула» летела пространством, каждую секунду отдаляясь от Земли на двести двести тысяч километров. Кроме меня и Галочки Пирожковой, на огромном корабле не было ни одной живой души: в постах, отделениях, отсеках, кюитах плавали в воздухе застывшие роботы. Их хрупкие, тонко устроенные механизмы не выдержали встряски...

После взрыва я сначала растерялся. Как и любой молодой человек моего возраста, я

марных структур, теории возбужденных молекулярных связей и прочих науками Клецики довольно скоро начал у меня двигаться, стал говорить (замыслил, по правде), но при этом нос совершенно околдовал. Ну абсолютно ничего не собирался!

Я зарылся в библиотечные магнитные записки. Галочка крутилась рядом. Она хотела мне помочь, и сама взялась за изучение схемы, чертёжиков (замыслил, по правде), но при этом нос совершенно околдовал. Ну абсолютно ничего не собирался!

Я мог бы, опираясь на свою капитанскую власть, отправить ее в обсерваторию, чтобы она авла в телескоп наблюдения за небесными светилами, или, на худой конец, приказать ей присесть за стол. Но я крикнул. Кричал в радиусе многих миллиардов километров, кроме твоего, этот бойкий язычок — единственный, поневоле ему позволишь болтать лишнее.

Стрелы и слова я разбирал, собирал, настраивал Клецику.

Наконец он и шевельться перестал. Я отвер с лица холодный пот. «Голочка. Вещные странности» — мелькнула мысль.

— Ну что же ты! — Галочка, чуть не плача, хватала электропатологом молотком по голове. — Вставай!

Клецики приподнялся на локтях, замгнал всеми своими излучателями.

— Люди! — удивился он. — Откуда? По инструкции, если на корабле обнаружен человек-звездочет и расстояние до Земли не превышает...

Начал собираться! Дальнейшее было делом техники. Клецики за несколько часов поставил на ноги все остальные роботы, и они засуетились, полезли в топочные ускорители, затрещали сварочными аппаратами.

...В черной бездне экрана висел тусклый оранжевый шар. Это был Плутон, крайняя планета солнечной системы. Мы сидели с Галочкой в штурманских рубках. На то, чтобы отремонтировать Клецику, потом «Молекулу», затормозить ее и подогнать к Солнцу, потребовалось три года. Три года по нашему времени, а по земному — полвека.

— Вот, — говорил я, — приземлился мы, а ваши подружки старушки превратились. У них уже... Вставай!

Галочка вздохнула. Как она изменилась, похорошела, расцвела за эти три года!

— Меня, — продолжал я, — друзья тоже давно забыли. Петяка Возликов, небось, с внуками нинтисся.

Она опять вздохнула.

— Вам-то, конечно, легче. В восемнадцать лет люди сходятся быстро. Вы сразу обнаруживаетесь новыми подружками. А вот я...

— Знаете что, — оживилась вдруг Галочка. — Я нашла для вас выход. Чтобы вам не было одиноко, мы поженимся. Вы меня любите, это давно понятно. Я вас... Я вас сначала ненавидела, когда вы заставляли каждый день в кошки-мышини играть. Вот, думаю, безмозглый робот!

— Вот так... потом, — потом, в общем, тот же.

В рубку сбуксовало како-то автомат, но, увидев, что мы целуемся, сконфуженно вспыхнул лампой, попятился, прикрыл дверь. Кажется, это был Клецики. Хорошо я его отругирал! В общем, все было, как в фантастическом рассказе XX века!

умел водить электромобиль, стратолет, мог собрать из готовых деталей небольшую радиотелевизионный протестинг сервоаппарат. Но я не мог управлять громадным космическим кораблем, даже если бы у него тормоза были в порядке.

И все же пришлось взять командование на себя. Я оказался на корабле самым старшим, самым опытным. Эта пичужка Галочка так взманила на меня ресничками: «Когда же мы теперь домой вернемся?» — что мне стало ясно: она ждет решения от меня.

— Ничего, когда-нибудь вернемся, — пообещал я. — Мяжко только, что Вселенная не шар, который можно обокнуть.

Я принялся ремонтировать Клецику. Тут-то я миллион раз пожалел, что в школе и институте легкомысленно относился к кибернетике, биоэлектронике, теории пространственных ато-

Первая и четвертая страницы обложки: иллюстрация к роману Г. Мартынова «Встреча через неведомые миры» А. БАВАНОВА и Г. НОВОНИЛОВА.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартановская, 2а

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммутатор Е 1-70-20.

Для справок — доб. 2-42; отделе: литературы и искусства — доб. 2-13; очирка и публицистики — доб. 3-52; международной жизни — доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-53; юмора и сатиры — доб. 4-79; писем — доб. 3-53; науки и техники — Е 7-65-82; информации — Е 7-65-62; оформления — Е 7-61-52.

Главный редактор А. В. Николов.

Редакция: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, С. В. Егоров (ответственный секретарь), И. А. Кочетов, В. Л. Разуминцев (заместитель главного редактора), И. Е. Рабчиков, А. А. Сосин, Б. И. Степанов.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор А. Стуков.

Оформление В. Соколова. Технический редактор Н. Будина н.

А 00667. Подписано и печати 14/ХІ 1961 г. Тираж 800 000 экз. Цена 8 руб. № 2125. Заказ № 2760. Формат бумаги 70х109/8. 2 б. л.—548 л. л.

Орден Ленина типография газеты «Правда», Москва, ул. «Правды», 24.

НА БЛАГОСЛОВЕННОМ ЗАПАДЕ

Рисунки Л. САМОЙЛОВА.

В странах капитала нередки случаи, когда безработные, доведенные до отчаяния нищеты, продают свои глаза состоятельным старикам.

— Говоришь, крайне нуждаешься? Что же, платимот долларов тебе за глаза хватит.

Кинопродукция Голливуда в большинстве своем направлена на духовное и физическое растление молодежи.

Американские телевизионные программы стремятся вызвать сочувствие зрителей и заломникам, убийцам и другим уголовным элементам.

Телепередача.

— Э, вышибай, я и сам никак не сведу концы с концами!

Экзамен на аттестат зрелости по-голливудски.

Расистые испытания.

Модная на Западе теория, так называемого, «народного» капитализма призвана убедить трудящихся, что между хозяином и рабочим не существует никакой разницы.

